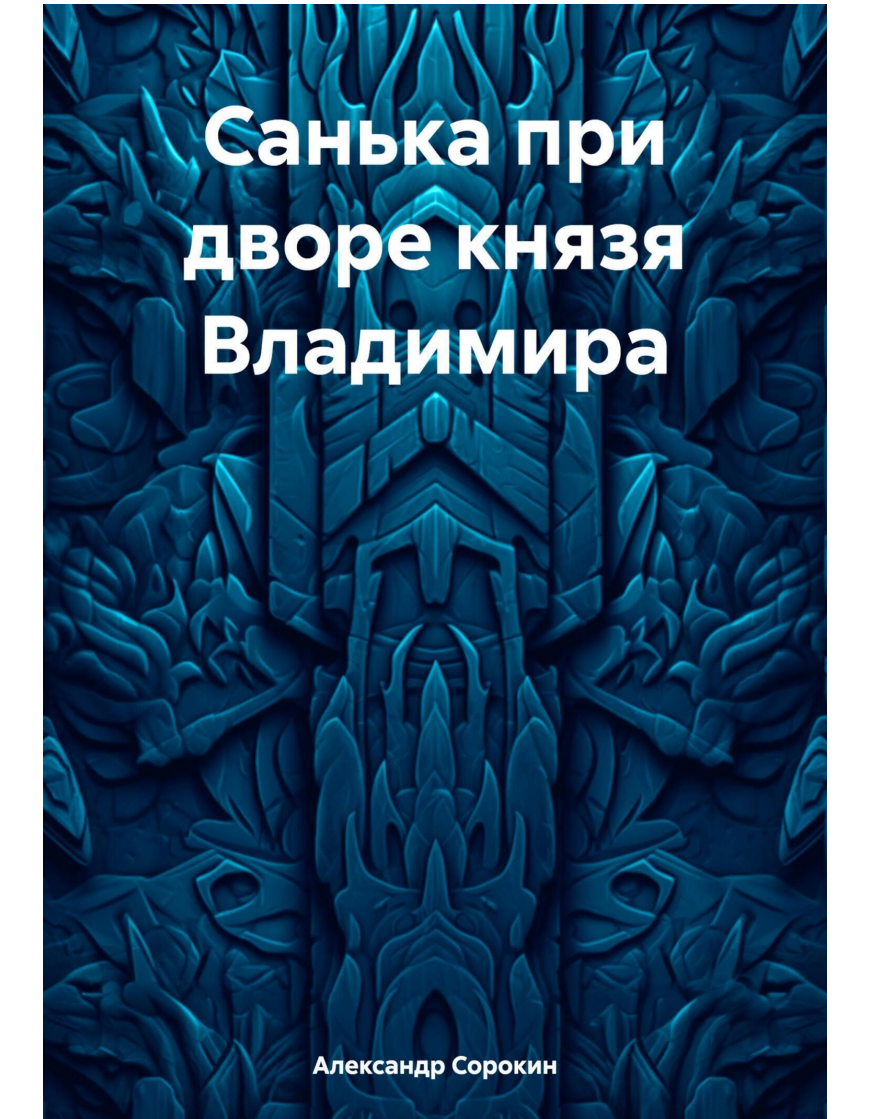

Санька при дворе князя Владимира

Александр Сорокин

Александр Геннадиевич Сорокин

Санька при дворе князя Владимира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70641955

SelfPub; 2024

Аннотация

Журналист Александр – любитель вечерних экстремальных прогулок, знаток молодёжного сленга и традиций. Однажды вечером, отправившись на окраину города, он бродит по огромному гаражному кооперативу. Где и сталкивается с местной «гопотой», по всей видимости, вооружённой огнестрельным оружием. Убегая от этой банды, Александр попадает в зону «природной аномалии», где его сбивает с ног ветром и несёт куда-то в темноте. Очнувшись, молодой человек обнаруживает себя в лесу. Пытаясь выйти, он сталкивается с собирателем мёда, затем с крестьянами, живущими в избах с окошками из бычьего пузыря. Решив, что это сумасшедшие любители исторических реконструкций, Александр решает добираться до города, не обращая на них внимания. И тут же подвергается нападению конников, один из которых называет себя «княжеским тиуном»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	52
Глава 10	67
Глава 11	81
Глава 12	89
Глава 13	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Сорокин

Санька при дворе князя Владимира

Глава 1

**Где Санька, ничего не подозревая,
подходит к гаражному
кооперативу «Заря-98».**

Есть у меня одна сумасшедшая привычка – раз в несколько месяцев я делаю вылазку в самые неприглядные места города. Лазаю по оврагам и холмам, брожу среди частного сектора или гаражей. А самое главное – я совершаю такие прогулки, когда стемнеет.

Вы спросите – зачем я это делаю? А затем, что у меня скапливается приключенческая энергия, которую надо куда-то выпускать. Уж очень у меня сильны гены авантюризма.

В каких только дебрях я не побывал, каких только страхов не натерпелся! И собаку на меня спускали и чуть свидетелем убийства не сделали, а меня всё равно тянет на прогулку...

В этот раз я и сам не ожидал, что сделаю «большой выход». Просто вышел под вечер из дома, чтобы пройтись по аллее на соседней улице. Но ноги понесли меня вдаль с неимоверной силой, и я им поддался. Слушаясь зова души и ног, я дошел до трамвайной остановки. И стал ждать трамвая. Вообще, я этим видом транспорта не пользуюсь, предпочитаю маршрутки – пусть дороже, но приятней.

Но, видно, соскучился и некогда постылый трамвай стал для меня экзотикой. В подошедшем вагоне всё было непривычно: и жесткие сиденья и тетка-кондуктор. Хотя тётка была знакомой – за прежние годы я изучил всех кондукторов на этом маршруте.

Трамвай тронулся и я почувствовал себя словно в детстве на каруселях. Радость охватила душу, ведь впереди был еще долгий путь через деревья и поля. Вагон ехал в район отдаленных новостроек, который был отделен от города дачами и лесополосами.

По левую руку догорала вечерняя заря, мелькали деревья, по правую тянулись низкие хозяйственные постройки, некогда принадлежавшие одному совхозу. Свет в вагоне то загорался, то, на очередном стыке рельсов, гас. Трамвай уютно покачивало.

От всех этих зарисовок у меня на душе разливался покой, светлый и радостный. Плюс еще и адреналин потихоньку выделялся – в предвкушении вылазки...

Вскоре вдали показалась стена новостроек. Уже стемнело

и то тут, то там загорался свет в окнах. Люблю это чувство странной и приятной тоски – когда из темноты и одиночества смотришь на уютные огоньки чужой жизни на темной громаде...

Задумавшись, я и не заметил, как доехал до конечной остановки. Все пассажиры вышли и тут же разбежались кто куда, а трамвай уехал. И я остался один. Царство девятиэтажек здесь подходило к концу и опять начинались хозяйственные постройки, всяческие СТО, стоянки и деревянные домишки. Я пошел налево. По тропочке среди высокой травы я поднялся до дороги и огляделся по сторонам. Дороги как таковой не было – была грязная колея.

В сумраке мелькнула гнусная пятиэтажная общага. В таких обычно обитает криминально-алкоголический интернационал или... молодые семейные пары. У которых нет денег на более дорогое жильё.

Рядом плакат мемориальной компании обещал оказать ритуальные услуги еще при жизни в счет пенсии, пособия, стипендии. Изготовка памятника из камня заказчика.

Наконец, миновав последние осколки города, я приблизился к могучему гаражному государству на краю света. Оно было поистине могучим – ни вправо, ни влево не было видно ни конца и ни края бесконечным гаражам. От удовольствия я даже присвистнул – целое поле для исследований неведомого.

Прочитав на табличке оптимистическое название коопе-

ратива «Заря-98», я смело шагнул в ворота.

Глава 2

Где Санька попадает в лабиринт и блуждает в нем без нити Ариадны. Аномально-гаражные явления.

Кооперативчик был ещё тот – темный, на окраине, без охраны. Да еще и с сумбурно расползающимися улицами. Здесь машину оставить – одна надежда, что воры до утра её не найдут. Прямо, потом тупик, налево – опять тупик, назад по другому проходу. Двери гаража открыты, горит свет. Мужик рядом с машиной подозрительно смотрит на меня. Иду с деловитым видом, позвякивая ключами. Мужик сразу успокаивается – как будто воры должны ходить исключительно в черных масках, с лобзиком в руках!

Я уже окончательно сбился с направления. Но ясно, что зашел уже далеко. 1543-й номер гаража ясно об этом говорил...

Так, когда я зашел, закат еще слабо светился справа. Значит, там запад. А по Полярной Звезде мы легко найдем север. Поглядев на небо, я увидел, что оно затянуто облаками. Просто замечательно.

Я шел в одном направлении уже минут десять. Миновал

обрыв, перед которым мужик колдовал электросваркой над своим железным любимцем, потом прошел изрядную свалку всякого металлического хлама. Дорога пошла на взгорок и за ним я увидел, что гаражная улица-кишка упирается в тупик. Что-то меня сегодня в аппендициты тянет?

Дорогу мне перегораживала глухая каменная стена. Идти назад не хотелось, поэтому, помолившись, чтобы на той стороне меня не ждал владелец гаража с монтировкой, я перемахнул через стену.

Там было пусто. И темно. И опять налево, направо, наискосок, из тупика в тупик, из закоулочка в закоулочек...

До этого момента я абсолютно не думал о страхе – шел себе и шел, влекомый геном авантюризма. Но в эту минуту меня пробило – до холодного пота и дрожи в коленках. Я стою черт знает где, в абсолютной темноте, в самом криминальном районе города, а точнее уже и не города, а так – громадного гаражного кооператива на границе с лесом.

А пробило меня, в основном, от вида окружающих меня гаражей. Если раньше они были ухоженные, с крашеными воротами и аккуратными циферками на них, то здесь... Здесь был ужас и кошмар! Люди здесь не бывают, это точно. Даже тропинки нет, все бурьяном заросло. У гаражей не было ворот, они были то ли полуразрушенные, то ли недостроенные. Зубчатые развалины, шлакоблоки и разный хлам под ногами еще сильнее усугубляли картину.

Что мне делать? Идти неизвестно куда? Возвращаться на-

зад? Я с надеждой посмотрел на небо – но оно все еще было покрыто тучами.

И тут я рассмотрел, что эта улочка упирается прямо в лес – слегка спускаясь вниз, она вела к высоченным деревьям. Лучше идти по опушке леса до края гаражей, чем ломиться через каменный лабиринт.

Подумав об этом, я сделал несколько шагов в сторону леса, как вдруг... Вдруг я услышал многоголосый разговор – группа людей шла из леса ко мне. И голоса были явно неинтеллигентные – слышались протяжные блатные нотки.

Мои волосы зашевелились – вспомнились почему-то милые сводки ГУВД, которые я недавно прочитал: «На свалке в пос. Дальний были найдены части трупа неизвестного мужчины. На правой руке, лежащей в двадцати метрах от головы, имеется татуировка в виде паука...»

Я недолго раздумывал. Очень уж не хотелось, чтобы части моего трупа разбросали по свалке. Назад бежать было недосуг, поэтому я вбежал через пустой провал ворот в ближайший гараж. Крыши у него не было, поэтому я скоренько перелез через дальнюю стенку и спрыгнул на землю. До меня явственно донеслось: «Колёк, глянь, там кто-то шуршит!» Не дожидаясь реакции Колька, я драпанул по открывшейся мне улице. Не успел я отбежать от стены и на пятьдесят метров, как сзади послышался шум – кто-то перелез через стену. Потом я услышал топот ног. Атас! Я помчался как ветер, не разбирая дороги.

Тупик! А за ним какой-то свет. Лихорадочно вскарабкиваясь на стену я ждал либо доброго кирпича в спину, либо и вовсе выстрела.

По ту сторону я увидел буквально-таки кусок цивилизации – двухэтажное здание, утыканное параболами на крыше. Двор этого здания освещался прожекторами и был весь обтянут непонятными проводами. Откуда здесь, посреди гаражей это странное здание? Может, режимный объект? Сейчас еще охрана сцапает и доказывай потом, что просто гулял! А, всё ж лучше, чем встретиться с этими, из темного леса...

Я пошел вдоль здания, бочком, бочком, стараясь быть менее заметным. Но, видно, выглядел я как слоненок из мультфильма «Впервые на арене» – неуклюжий, большой в скрещении лучей.

Странно, но охрана до сих пор не среагировала – я прошел уже половину периметра здания. И тут сзади раздался тот самый голос с неприятным блатным акцентом:

– Вот он! Эй, чувак, стой!

Урки последнего разлива! Среди молодежи так давно никто не выражается!

Я прибавил ходу и тут сзади грохнуло! И, кажется, мимо меня просвистела пуля. Вот тут-то я словил адреналин – бежал как заяц петлями, жар ударил в голову. Было, кажется, еще два выстрела. А из здания так никто и не вышел.

Я втиснулся в узкий проход между двумя гаражами, молясь, чтоб он не кончился тупиком. Судорожно рванулся и

попал... в аэродинамическую трубу – пол подо мной закачался, от сильного ветра в ушах завывало. Все звуки, кроме воя ветра пропали начисто. Я сделал еще шаг и ветер подхватил меня и понес по темной трубе, кувыркая и подбрасывая...

Глава 3

Где Санька гадает – Мосфильм или реальность?

Что за ерунда? Неужто кто-нибудь из моих родных забыл закрыть окно? Или зима за ночь наступила? Холод продирает просто дикий, хотелось поплотнее закутаться в одеяло. Не открывая заспанных глаз, я пошарил рукой возле себя. Вместо одеяла я наткнулся на какую-то странную поверхность, вроде земли. Резко открыл глаза.

Где я? Почему не в своей постели? Я на природе! Вокруг деревья, а я лежу на голой земле! Потянувшись, я ощутил жесткое покрытие, да еще и со множеством камушков. И тут как в голову ударило! Точно! Значит, эти гаражи, погоня и аэродинамическая труба мне не приснились! Мороз пробрал по коже, и я медленно стал опускать глаза, чтобы осмотреть своё тело.

Я ожидал увидеть всё что угодно – что от меня осталась одна голова, как от профессора Доуэля, а из неё весело тянутся все мои восемь метров кишок или что моё тело напоминает бумажную мишень после рабочего дня в тире. Но мои страшные догадки не подтвердились – я был цел и даже одет.

Я снова вздрогнул – спросонья по страшному глючило. И стал медленно поднимать глаза. У меня возникла здравая мысль – если я цел, значит, меня оставили на сладкое? Воображение рисовало доброе лицо с лысой макушкой, заботливо стоящее надо мной с ломиком. А рядом еще более доброе, заботливое и лысое с туристическим топориком.

По счастью, подобных лиц поблизости не оказалось. Оперевшись на руки, я поднялся и встал. Меня трясло – было, по всей видимости, раннее утро, выпала роса, и сырой холод продирал насквозь. Поприседав, попрыгав на лужайке, я немного согрелся и стал понемногу соображать.

Что было со мной вчера? За мной гнались какие-то молодцы-прыгунцы, задорно постреливали мне в спину, а потом я попал в какую-то аномалию. Где дул ветер и сбивало с ног. Может, эта аномалия имеет отношение к тому загадочному зданию с параболиками? Может, это какая-нибудь охранная сигнализация, включающая мощные вентиляторы при проникновении на территорию базы? Попахивает фантастикой, но всё же версия.

Тогда где я сейчас? В лесу, причем в довольно дремучем. И воздух необыкновенно свежий. Отнесли заботливые работники секретной базы? И почему я отключился?

Окончательно запутавшись в своих предположениях, я плюнул на них и решил сориентироваться. Вчера закат был справа, а сегодня рассвет слева. Значит, идем назад. Развернувшись, я решительно зашагал в выбранном направлении.

Лес около поселка Дальний неширокий, да и не лес это вообще, а посадки. Километр с небольшим, ну два максимум.

Через полчаса лес и не подумал кончаться. А виды вокруг каковы! Можно подумать, я не в пригородном леске, а в Беловежской пуще. Могучие деревья, прямо как в фильме-сказке Александра Роу про Кощея Бессмертного, окружали меня, наперебой пели птицы. На середине пути я даже увидел зайца, который припустил из-под моих ног. Не хватало только медведей и хрустального ларца, висящего на высоком дубе! Похоже, работники базы постарались – ночью погрузили меня в самолет и отправили моё бесчувственное тело в лесистую Белоруссию.

Так и шёл я, терзался какими-то странными догадками и почти не глядел вперед. И... вздрогнул. Прямо передо мной на здоровенном дереве сидел мужик. Вернее, я лишь догадывался, что это мужик – лицо человека было закрыто чем-то вроде маски, вокруг него вились пчелы, а рукой он шарил в дупле дерева.

Что-то я не припомню, чтобы возле насквозь техногенного, многоэтажного поселка Дальний водились дикие пчёлы! Присмотревшись, я чуть не поперхнулся – не припоминалось также людей в лаптях. Конечно, сейчас все ходят, кто во что горазд, но это уж слишком. На товарище, который лазил рукой в дупле, был полный древнерусский костюм – хоть кино снимай. Длинная, перепоясанная рубаха, холщовые штаны, а от лаптей такая модная шнуровка почти до колен.

Мёд из дупла дяденька лопаточкой аккуратно переправлял в туесок, висящий на поясе. Руки, также как и лицо он предусмотрительно закрыл – на них были рукавицы. Стоял я, смотрел на это чудо заморское – видел, как бомжи бутылки собирают, но чтоб такое? Из памяти всплыло название этого занятия. Кажется, раньше это называлось бортничество.

И тут под моей ногой хрустнула сухая веточка. И дяденька резко обернулся. Увидав меня, он не поленился, оттолкнулся от ствола и с приличной высоты ухнул вниз. Упав, он не оборачиваясь, помчался от меня сквозь лес. Причем, отметьте, бежал он зигзагами. Может, у них тут принято в спину стрелять? Просто так, для профилактики?

Этот самый бортник сиганул метров с четырех. Но туеска не обронил. Наверное, он был примотан к его поясу титановой проволокой.

Пожав плечами, я зашагал дальше – в том направлении, куда помчался странный мужчина. Надеюсь, что он живет в городе, пусть даже как Карлсон, на крыше. Еще полчаса сквозь дебри не прибавили мне оптимизма. Тропинок не наблюдалось ни слева ни справа. Тогда я решил залезть на дерево. Вскарабкавшись на показавшийся мне высоким ствол, я стал смотреть по сторонам. Ничего похожего на многоэтажки я не увидел. Зато прямо по курсу висел дымок. И не один, а штук пять или шесть. Отлично, если не в город, то хотя бы в лагерь бойскаутов попаду. А они мне подскажут, куда идти и где я вообще нахожусь.

Сползши с дерева, я направил стопы в направлении дымков. А если там лагерь бомжей? А в нем все такие же, как давешний дяденька? Если он без слов с высоты прыгает, то они, собравшись толпой, могут меня на колбасу пустить.

Впрочем, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Вскоре деревья стали пореже, а потом и вовсе кончились. Я подошел к краю леса и осторожно выглянул из-за кустов.

Мама мия! Да тут явно Мосфильм работает! Причем на декорации и костюмы не поскупились! За лесом было небольшое поле, засеянное какими-то злаками, а за полем виднелись избы. Натуральные, из темных бревен с соломенными крышами. Такие и сейчас можно увидеть, вот только окошки сейчас стали вставлять в основном стеклянные, а не из бычьего пузыря. Но главное было не в этом. На поле работали люди. Несколько женщин в холщовых платьях до земли, с забранными под косынку волосами, пололи сорняки. Прямо иллюстрация к стихотворению Некрасова «Тяжкая долюшка женская»! А рядом на лугу мужички, одетые почти также как и прыгучий бортник, сноровисто косили траву размеренными движениями.

Я пошарил глазами вокруг идеалистической картины из нашего славного прошлого в поисках софитов, оператора с камерой на подъемной стреле, режиссера с мегафоном в руках. Но ничего подобного я не обнаружил. Либо они хорошо замаскировались, либо так нынче модно – стилизовать крестьянский труд под старину.

Немного поколебавшись, я вышел из-за кустов и зашагал к людям. Двигались они вроде адекватно, глаза были ясными, на пациентов психушки не смахивали. Психиатр сказал бы так: «Глядя на них, рука не тянется к шприцу с аминазином».

Увидев меня, девушки смутились, опустили глаза. Мужики тоже потупились, смотрели исподлобья, настороженно.

– Эй, ребят, не подскажите, как пройти к поселку Дальний? – спросил я как можно более непринужденно.

– Не разумеем, – пробасил самый коренастый из мужиков.

– Тогда где здесь поблизости город? – спросил я с терпеливостью психотерапевта.

– Там, – коренастый махнул рукой за избы.

– Далеко до него?

– Верст двадцать будет

Немногословные они, однако. А роль как держат! «Не разумеем», «верст двадцать» – комар носа не подточит.

Я уже собрался было идти в указанном направлении, подалее от этих чудиков, как вдруг услышал сзади топот копыт. Оглянувшись, я увидел троих всадников. Точнее четверых – на одном коне сидело двое. Клуб «Витязь» обзавидовался бы снаряжению этих людей. На том, кто ехал впереди, была блестящая кольчуга, остроконечный шлем, полированные налокотники, на одном боку болтался меч, на другом лук и колчан со стрелами. Снаряжение двух других было по бедней – на них была одежда, напоминающая сделанное из

стеганого одеяла пальто. Один мой друг, который увлекался рыцарством, кажется, называл такую одежду тегеляем. Она была плотной и была призвана защищать воинов от рубящих ударов. Шлемы были пониже и потускней, на боку болтались лишь мечи. А за одним из воинов ехал... тот самый бортник. Я узнал его по откинутой на спину маске, которая ранее закрывала его лицо и по неистребимому тугеску на поясе.

Вся эта славная компания неслась во весь опор ко мне, а мужик в высоком шлеме зычно кричал: «Стой, чужеземец!» Что-то подсказывало мне, что надо бежать, но упрямство не пускало. В самом деле, сколько можно бегать от всяких придурков?

Глава 4

Где Санька разбирается с княжеским тиуном по-пацановски.

Я гордо стоял на холме, выставив одно плечо вперед и ждал, когда же эти «лыцари» до меня доскачут. Доскакали. Чуть не сшибли конями и приставили к горлу меч.

– А, попался, лазутчик половецкий! – вскричал Высокий Шлем. – Вяжи его, ребята!

Ребята на полном серьезе выдвинулись меня вязать, один даже стал слезать с коня. И тут я не выдержал – долго терпел:

– Эй, чмошники, вы что, обкурились все тут? Один дебил с деревьев прыгает, другие в жатву играют, а третьи в латах бегают. Не пора ли к наркологу?

После моей речи рыцари немного поубавили прыть, меч от горла убрали и недоуменно переглянулись.

– Кажись, из ближних князя парень, – неуверенно протянул один из подручных Высокого Шлема, – горделивый какой!

– Да нет, лопочет-то он непонятное и одет не по-нашему. Бродник он, небось половцы подослали наши рати выглядеть, – отрезал Шлем и обратился ко мне:

– Ты зачем за бортником Микитой подглядывал, чужезе-

мец? Шпионишь?

Эта клоунада начала мне надоедать. Поиграли и хватит.

– Всё, мужики, хорош. Почумились и хватит. Скажите мне, как дойти до города побыстрей, и я пойду.

– Это где ты мужиков увидел, смерд? – взбеленился ранее молчавший подручный. – И как смеешь княжескому слуге на вопрос не отвечать? – последние слова он буквально прорычал, но, видимо, эффект его не удовлетворил, и он выхватил из-за пояса плётку с тремя хвостами.

Не успел я и глазом моргнуть, как левую щеку и спину буквально обожгло ударом. И моя «планка» упала с глухим стуком, что случилось нечасто...

– Ах ты, ...! Тварь нехорошая! – заорал я, вцепляясь в это самое стёганое пальто-тегеляй. – Щас ... вырву, на сосну заброшу, рыцарь недоделанный! – выпалив этот высокоэмоциональный текст, я стащил заигравшегося мужика с седла.

Он рухнул на землю с внушительным звуком рулона рубероида. Но этого мне показалось мало, и я пнул его ногой в бок. Мужик согнулся, а я мстительно наклонился над ним и прошипел в лицо:

– А твоей плеткой я тебя сейчас выпорю! – выхватив плетку из его судорожно сжавшихся пальцев, я намеревался выполнить обещанное, но успел заметить сбоку какое-то движение воздуха...

Я еле успел отклониться от реально просвистевшего над моей головой меча. Вуух! Но даже это меня не смогло сбить

с настроя покончить со всеми дебилами в округе. Шагнув к Высокому Шлему, я толкнул его в живот двумя руками. Его и так от взмаха занесло да и силушкой меня Бог не обидел – досталась по дедовой линии – Шлем вылетел из седла и повис на стремях, прилично приложившись головой об землю.

Лицо третьего поклонника старины вытянулось и побледнело, а бортник за его спиной и вовсе пожух, как брюква от зноя.

– Ты ударил княжеского тиуна! – еле вымолвил он трясущимися губами.

Мой вид был недобрым, когда я шел к нему с плеткой. Даже конь стал пятиться назад.

– Слышь, ты Муромец липовый! Я теперь здесь тиун, понял? А ты вали обратно в гримерку переодеваться! Понял?! – последние слова я проорал с такой силой и так зычно, что бедолага моментально развернул коня и галопом поскакал к лесу.

И в этот момент я ощутил страшную усталость. Высокий Шлем недвижно висел в стремях, второй еще корчился на земле, а меня запоздало начало трясти. Тут только до меня дошло, какой опасности я подвергался. Мне чуть не снесли голову настоящим мечом, хлестали плеткой, теснили конями! Внезапно коленки задрожали так сильно, что я буквально рухнул на траву. Слабость была так сильна, что я еле переводил дыхание, в глазах потемнело.

– Добрый человек! – меня потрясли за плечо.

Я поднял глаза. Передо мной стоял давешний мужик с поля.

– Добрый человек, – сказал он, подавая мне руку, – давай я тебе подсоблю.

Не раздумывая, я оперся о его руку, поднялся. Он повел меня в сторону тех самых «древнерусских изб». Оказывается, за кустами прятались почти все, кого я видел на поле – две девушки, молодой парень и хлипкий чернявый мужичонка. Они, увидев что я подхожу, прекратили перешептывание и во все глаза уставились на меня.

– Ну что уставились? – рыкнул на них коренастый. – Не видите, поплохело человеку! Помогите довести!

– Не надо, я сам дойду, – отдышавшись, я понял, что вполне оправился от испуга.

И мы пошли к избам. Остановились возле одной из них, коренастый пригнулся и вошел. Следом вошел и я. Вот это да, такую избушку я видел в краеведческом музее – она стояла там без передней стенки, демонстрируя русскую утварь и быт. Всё было точно как там – земляной пол, лавки, печка, прялка и невысокий массивный столик. И еще стояло несколько глиняных кувшинов.

За мной зашли остальные, в избе стало тесно. Я затравлено обернулся – выход был отрезан.

– Ребят, вы что, все из одной команды? С этими, на конях?

– Что? Нет, ты что ж мужика от людей княжеских отли-

читать не можешь? – удивился коренастый.

– Так! – я резко хлопнул в ладоши. – Хватит комедию ломать, говорите сейчас же, что тут происходит! Я с утра не могу до дома дойти, два часа по лесу чапал. А тут еще нервы треплют всякие сумасшедшие!

– Непонятное ты говоришь, неладное, – вымолвил тщедушный мужичок, – с ума тут никто не сошел. Ну да ладно, после такой рати-то простительно околесицу нести. Ладно ты тиуна с его молодцами поколотил!

Я почувствовал, что сейчас взорвусь. И это будет совсем нехорошо, потому что мужички агрессию ко мне не проявляли. Поэтому я несколько раз крепко сжал и разжал кулак. Спокойно, это просто сборище психов, вроде неформалов, которые собрались в пригородных посадках и прикалываются по-своему.

– Скажите, как мне пройти к городу, и я пойду, – сказал я глухо, – а то я немного заплутал.

– Да ты сперва, мил человек, отдохни, хоть поговорим с тобой, – засуетился коренастый, – не побрезгуй, подели с нами стол.

Деваться было некуда, я присел на лавку возле стола и вскоре на стол водрузили большой, только что вынутый из печки котел. Все дружно уселись вокруг стола, одна из девушек подняла крышку и из котла повалил пар. Хозяин выдал нам всем большие деревянные ложки и эту деталь я тоже отметил. Тарелок не дали. Все стали по очереди тянуть из кот-

ла большие белые кругляши, похожие на крупную картошку. Коренастый сделал мне приглашающий жест. Я тоже засунул ложку в котел и зачерпнул. Подул на «это» и попробовал. Было похоже на варёный кабачок и немножко отдавало редькой.

– Что это? – спросил я недоуменно.

Сидящие за столом переглянулись с плохо скрытыми улыбками.

– Это пареная репа, мил человек, – пояснил коренастый.

– А хлеба нет?

– Не обессудь, сегодня не успели испечь!

За едой больше не говорили. Только жевали. Да уж, от такой диеты можно коньки отбросить. Без хлеба репа набивала желудок, как огурец – быстро, но ненадежно. Но вот котелок выскребли до доньшка, откинулись на лавках и уставились на меня. Словно я был заядлым сказочником.

– А ты молодец, славно отколотил Сеньку-ирода, – сказал коренастый, пытливо вглядываясь в моё лицо, – а то он нас всех прямо измучил. Орет, придирается, чуть что – кулаки распускает! Вот третьего дня к Ивану приложился, – он кивнул в сторону парня, – не так поклонился, как надо, ишь ты!

Только сейчас я заметил, что лицо парня украшает расплывшийся светло-желтый синяк под глазом. Фингалы – они такие, прежде чем сойдет, все цвета радуги поменяет.

– А ты славный ратник, – продолжил коренастый с уважением, – небось в дружине княжеской служил?

Я промолчал, потому что не знал, что ответить. Я просто решил перетерпеть, перекусить (я действительно был голоден) и идти домой. А что они говорят – неважно.

– Не хочешь, не говори, – не обиделся хозяин, – не наше это дело. Я вот к чему говорю – вижу я, человек ты благородный, да и сильный к тому ж. Князь таких любит. А Сенька теперь позору не оберется – с дружиной вооруженной не смог безоружного победить. Будь нашим тиуном – мы тебе верно служить будем.

– А как я им стану? – подыграл я.

– Иди, мил человек, в стольный город, на поклон князю и скажи: «Так мол и так, князь-батюшка, смерды смеются над тиуном твоим, не хотят его видеть больше. Дозволь я стану ими от твоего имени править?»

– Ну ты простой, как пять копеек! – восхитился я. – А князь меня – вжик и на кусочки нарежет!

– Да нет, он добрый у нас, князь-батюшка. Это слуги у него дурные бывают, доброе имя позорят. Ступай, не бойся.

– Хорошо, – «согласился» я, – показывайте дорогу.

Меня вызвался проводить Иван. Он повел меня сквозь лес по еле заметной тропочке. Вскоре мы вышли на неширокую грунтовку, причем по ней явно ездили на телегах, а не на автомобилях, судя по узким колеям. Отпустив проводника, я пошел к городу. Не помню я такого пути к моему родному городу. Ну да всех путей не упомнишь – обязательно найдется какой-нибудь нетипичный подход, да еще на самом за-

метном месте. Небось сейчас выйду опять к каким-нибудь гаражам. И всё-таки, куда меня занесла та самая «аэродинамическая труба»?

Глава 5

Где Санька наконец-то добирается до города.

Грунтовка вела меня то через чащу, то через луга и овраги, но еще ни разу не вывела на такое место, откуда можно было бы посмотреть вдаль. Я уже изрядно запыхался, когда увидел впереди невысокий холм. Когда я поднялся на него, то некоторое время стоял в оторопении...

Передо мной расстился натуральный древний город. Я не видел такого даже во время экскурсии по Золотому Кольцу России. Нельзя даже и сравнивать – город имел жилой вид. Да и выглядел он совершенно новым, только что отстроенным.

Вначале я увидел стены – здоровенные, высотой с пятиэтажку, в которой я живу. Или даже не стены, а земляные валы. А на них уже небольшие бревенчатые пристройки со сторожевыми башнями. Я задумался: как же насыпали такие крутобокие валы? Почему они не рассыпаются? Память подкинула решение – сперва сложили стену, а потом обложили её землей, чтобы нельзя было поджечь.

За стенами виднелись крыши домов и храмов – самые высокие здания города, а в сторожевых башенках, едва замет-

ные с моего наблюдательного пункта, стояли часовые. Так, нормально, город охраняется, ведь памятники архитектуры нужно беречь.

Я тихонько, бочком пошел влево, вдоль крепостного вала, не отрывая глаз от этого чуда. В голове вспыхивали и вертелись разные мысли. В частности, я думал, куда же меня занесло. В радиусе пятисот километров от моего степного города не наблюдалось ничего подобного – тысячелетие моя родина справит лишь через шестьсот лет. Поэтому подобных раритетов в области, к сожалению, нет.

Так, бочком, словно черноморский краб, я прошел метров двести. И тут мне всё стало ясно. Или почти всё.

Во-первых, мне открылась река. Не очень широкая по сравнению с Волгой. Но в Европе она считалась бы большой. Город стоял на крутом берегу этой реки. Но главное было не в этом.

Главное было в том, что у города имелись ворота. Да-да, настоящие такие древние ворота, где путник может попасть внутрь по опускающемуся на цепях деревянному мостику. А над воротами... Над ними была построена церковь. Деталь, казалось бы незначительная для неизощренного глаза. Но мне она сказала многое.

Дело в том, что подобные ворота были, как мне помнится, только в славном граде Киеве. Сегодня они имеются лишь в реконструированном виде – то бишь, их возвели заново, руководствуясь древними изображениями.

И как окончательно добивающая деталь – далеко за стеной, в гуще застроек, я увидел высоченный храм, пирамидально вздымающийся свои купола высоко над всеми остальными зданиями. И куполов было совершенно случайно тринадцать.

Конечно, тринадцать – это число апостолов вместе с Христом. И немудрено, что многие храмы имеют именно такое количество куполов. Но река, похожая на Днепр, ворота, похожие на уже давно разрушенные Золотые, говорили мне, что этот храм – знаменитый Софийский собор.

Приметы Киевской Руси меня не обрадовали – как-то больше хотелось увидеть сейчас пусть неприметную, но всё-таки свою хрущевку. А вместо этого я сидел сейчас неведомо где и глазел на неведомо что. А тут еще, приглядевшись, я увидел людей, которые заходили в ворота – они казались мне совсем маленькими фигурками, и чуть не взвыл от отчаяния. Это были вовсе не японцы с японскими фотоаппаратами. И даже не американцы опять-таки с японскими фотоаппаратами. Это были всё те же, одетые как и полагается в старину «бортники». Лапти, шнуровка, холщовые рубахи, кое-где мелькали нарядные кафтаны. В общем, хана.

Глава 6

Где Санька колеблется и вспоминает о Гламдринге

В этот момент я почему-то вспомнил о своём сотовом телефоне. Обычно я не слишком уважаю эту назойливую машинку, готовую ежесекундно вывести тебя на разговоры о пустяках. Но сейчас мобилка показалась мне чем-то родным, связывающим меня с внезапно ставшей зыбкой реальностью. Слишком далеко я зашёл сюда, в эту страну любителей исторических игр...

Так и есть. Абсолютно нет связи. Да и батарея разряжена. Внутренний голос подсказал мне, что я вряд ли найду здесь зарядку для «Нокии». Впрочем, как и розетку. Поэтому я выключил телефон – про запас.

Трудно было решиться сделать первый шаг в сторону города, который я идентифицировал как Древний Киев. Съёмочных стрел «Мосфильма» или «Уорнер Бразерс» поблизости причудливых строений по-прежнему не наблюдалось, также не было видно ни Михалкова, ни Спилберга с рупорами в руках.

Впрочем, не исключено, что всё это – обыкновенная историческая реконструкция. Я сам знавал многих толкиени-

стов, которые, хлебнув лишку тёмного пива с гордым названием «портер», носились по лесу полчищами с воплями: «О Элберет Гилтониэль!» Ведь брали же они где-то «эльфийские доспехи» и многочисленные мечи, каждый из которых претендовал на роль «Гламдринга».

Не обращая внимания на мои утешительные размышления, в ворота города заходили толпы людей в разнообразных эксклюзивных костюмах. На конях и пешие, иногда попадались целые караваны, гружёные тюками, перемежаемые простыми телегами. Из города выходили, как правило, налегке, с довольными лицами, похлопывая себя по поясу, где звенели монеты в кошельках-мешочках. Знатные и простолюдины двигались зачастую бок о бок, но не наблюдалось, чтобы кого-то втоптывали в грязь при движении очередной «vip-колонны».

...Сделав глубокий вдох, я пошёл к дороге, которая была от меня в каких-то пятидесяти метрах. Даже если это розыгрыш, трудно придумать лучший способ его раскусить, чем оказаться в самом большом скоплении ряженых.

Ступив на грунтовку, я оказался поблизости двух благородного вида персонажей, в чёрных бархатных одеждах, которые неторопливо шествовали верхом. Слегка покосившись на меня, они продолжили прерванный разговор. Прислушавшись, я понял, что эти господа разговаривали по-немецки. Что ж, историческая игра становится международной...

Нас легко обогнал смуглый, горбоносый юноша в тюрбане на великолепном арабском скакуне. «О дивная ночь, о славный Восток! Здесь яд и булат погибель сулят, смотри, не зевай!» – почему-то вспомнилась песня из дурацкого диснеевского мультфильма. Уж больно этот всадник был похож на Аладдина.

Что-то в моей голове не стыковалось с Древним Киевом. Какие-то шейхи, немцы в бархате – мне казалось, что в столицу Русской земли должны въезжать исключительно славные ратники с красными щитами, да крестьяне в сермяге.

В этот момент с нами поравнялась телега, запряжённая крепкой, серой в яблоках, лошадью. Правил ею молодой здоровый парень, а в телеге, на рогожке, покрывавшей груз, лежал мужик с бородой и жевал яблоко. Одеты они оба были весьма нарядно – на ногах не лапти, а красные сапоги, рубахи и штаны были опрятными. Любопытный взор парнишки буквально рентгеном прошёл сперва камзольных немцев, а потом и меня. Оглядев мои джинсы и свитер, возница обернулся к своему спутнику:

– Так и прёт немчура в Киев! Эти, – кивнул он на всадников, – небось послы какие-нибудь!

– Это точно, Николка, – отозвался мужик, управившись с очередным куском яблока. – Небось, опять будут князю-батьюшке челом бить – либо денег взаймы попросят, либо дружинников наших – их лыцарские свары расхлёбывать!

– А этот, Нифонтыч, – кивнул в мою сторону парень, ни-

сколько не смущаясь, – кажись, ихний учёный. Будет всё у нас замерять, вынюхивать.

Нифонтыч скосил на меня глаза и с некоторой задумчивостью продолжил вгрызаться в сочную мякоть. В этот момент в моей голове родилась шальная идея...

– А вот и врёшь ты, Николка! – громко воскликнул я. – Не немчура я, а русский человек, такой же, как и ты!

Возница едва не рухнул с облучка, а его пассажир плотно подавился яблоком. Потребовалось некоторое время, чтобы они пришли в себя от неожиданности.

– А чего это ты, – наконец выдавил из себя Николка, – одет как-то не по-нашенски?

– Ездил я, друг, в земли чужедальные, наукам всяким за-морским обучался, – с этими словами я залез в остановившуюся телегу.

Нифонтыч посмотрел на меня недовольно, но всё же по-двинулся:

– И чего тебе дома не сидится, паря? Небось, в стольном граде любому ремеслу научат!

Да я... – я замялся, столкнувшись с непривычным для меня неприятием модного зарубежного образования. – Я это... с детства к языкам способный. Толмачом у князя хочу быть.

– Фью-ю! – присвистнул бородатый. – Нашёл, чем удивить! Да у князя этих толмачей – как грязи! Небось, не чета тебе!

– Ну ладно тебе, Нифонтыч! – оборвал своего спутника

Николка. – Может, у парнишки всё получится, не ворчи! Как тебя звать-то, толмач?

– Санька, – почему-то я представился именно таким образом.

– Ну-ка, Санька, скажи чего-нибудь, как неметчина! – улыбнулся возница.

Вот те раз! Вляпался, лингвист несчастный! Я же по-немецки ни слова не знаю, кроме «Айн, цвай, полицай» и «Гитлер капут»! Я в школе английский учил, причём, так и не выучил...

– Май нейм из Саша, – бодро залопотал я привычную школьную скороговорку, – май фэмили из нот вери биг, батит из нот вери смол. Май еарз олд из соти...

– Во ладно лопочет! – восхитился Николка, а старый ворчун Нифонтыч усмехнулся.

В этот момент телега подъехала к внушительным воротам города.

Глава 7

В которой Санька наблюдает и сражается

Выяснилось, что я не зря присел на телегу к мужикам. Вход в этот клуб любителей истории был по флаерам. Фэйс-контроль в виде двух давно ожидаемых мною славных ратников остановил неспешных немцев, которые незамедлительно предъявили какие-то бумаги.

Наш экипаж подъехал к строгим контролёрам. Я на всякий случай засунул ноги в джинсах под рогожу. Но воины на меня даже не посмотрели:

– Что везёшь? – старший копьём слегка приподнял край ткани.

– Яблоки торговать! – бойко ответил Николка.

Нас пропустили внутрь. За внушительным крепостным валом было весьма уютно – здесь высились красивые храмы и крепкие жилые дома, а мостовые были вымощены бревнами – почище иного паркета.

– Княжеские палаты там, – показал Никола вглубь города, – князь сегодня в Южных хоромах должен быть. Ну, бывай! Нам торговать надо.

– Удачи тебе, Санька-толмач! – неожиданно улыбнулся

Нифонтыч.

...Простившись с этой парочкой, я осторожно зашагал по мостовой. Тут только до меня дошло, что я сам, неведомо для себя, играл сейчас по правилам этого «клуба». Как будто и впрямь оказался в Древнем Киеве. Постой-ка! А ведь тот идиотский набор английских слов, которые я им сейчас выдал, знает, пожалуй, каждый. А у них – даже тени сомнения в глазах не мелькнуло.

Прокручивая в памяти недавний разговор, я с удивлением убедился, что мужики были какими-то странными. Могу сказать наверняка – они не играли. А самое главное – в них не было привычного для каждого моего современника лукавства.

Мимо меня по улице то и дело проезжали всадники, прохожие несли корзины со съестным, мешки, тащили кур и гусей. Я обратил внимание на двух женщин – одна, совсем молодая, тянула вязанку дров к себе на крыльцо, а другая, постарше, поодаль выбивала коврик об угол дома. Что-то в этих дамах было не так...

Сперва я не мог сформулировать, а потом понял. В них не было той привычной доли распушенности, которая, в той или иной степени, присуща женщинам 21 века. Во взгляде этих двух девушек не было чрезмерного любопытства, оценочности. Они не сделали ни одного жеста или движения, которыми дамы, обычно любят отрабатывать модный тренд под названием «сексуальность».

Скромный, но не подавленный взгляд, нет затравленности, тем не менее, женственность бьёт ключом – просто и естественно. Это называется – перевозданная чистота, будто набрёл случайно на прозрачно лесное озеро, которое и не ведаёт, как оно прекрасно...

Вскоре я дошёл до перекрестка. Здесь строили храм. Чернявый мужчина, похожий на грека, с мастерком в руках, аккуратно складывал стену из больших кирпичей. Другой, похожий на первого словно родной брат, висел в «люльке», подвешенной на верёвках на изрядной высоте – он корпел над фресками на фасаде церкви. Оба были странно одеты – в нечто, напоминавшее хитон или тунику. Как в фильмах про Древнюю Грецию или Византию.

Строители заметили, что я за ними наблюдаю – чернявый с мастерком что-то крикнул мне на незнакомом языке, белозубо улыбаясь. На ум почему-то пришла единственная знакомая мне фраза на латыни – «Зик транзит gloria урбис». Посчитав её неуместной, я, глупо улыбаясь, сказал:

– Я не понимаю!

Потом, зачем-то, добавил:

– Ай эм нот андерстенд!

Грек махнул мне мастерком и отвернулся. Оглянувшись я увидел, как двое рабочих тащат к стройке какую-то кадку. В ней было что-то вязкое, вроде раствора для скрепления кирпичей. Мужчина, как сейчас принято говорить «славянской внешности» зачерпнул массу рукой, растёр пальцами,

поморщился:

– Опять яиц пожалел, Онаксимандр? Говорил я тебе, не дом строим, а храм – на века! Эх, греческая твоя натура!

– Да клал я, Ростислав, честное слово! – залепетал его курчавый напарник.

...Решив, что довольно посвятил времени этому зрелищу, я последовал дальше. Мостовая заметно расширилась, по бокам возвышались настоящие терема – затейливые, расписные. Вдали улица упиралась в самый настоящий дворец, украшенный резьбой, фресками, башенками. Наверное, это и есть те самые «княжеские хоромы».

Я задумался. Честно говоря, я никак не мог отойти от беспрерывных потрясений. Я был и раньше в старинных городах. К примеру, в Несебре, в Болгарии, где сохранилась крепостная стена римской кладки и повсюду встречаются памятники античности. Но там, среди всей этой старины, по булыжной мостовой ходят люди в шортах и джинсах, а на каждом углу – торгаши сувенирами. Да и в России, скажем, в городах Золотого Кольца – нигде нет такого количества целых и выглядящих абсолютно новыми памятников архитектуры.

Да, предположим, все жители такого города для привлечения туристов решили провести у себя такой вот маскарад. Но при игре кто-нибудь обязательно «прокалывается» – или хихикнет невпопад, или начнёт изображать «древнего русича» уж слишком усердно. Я же до сих пор видел совершенно

органичный быт наших предков – все что-нибудь деловито тащили, работали старинными инструментами, а босоногие детишки в длинных рубахах гонялись друг за другом, не акцентируя внимания на одежду окружающих и на своё облачение. Современные дети наверняка стали бы ехидно комментировать: «Глянь, какой покемон прошёл!»

В общем, всё это очень странно. Я вспомнил «аэродинамическую трубу», бескрайний гаражный кооператив, свою потерю сознания и пробуждение в глухом лесу. Куда занесла меня эта странная «труба»?

Несмотря на глубокую задумчивость, я почувствовал чей-то очень неприятный и враждебный взгляд на своей спине. Оглянувшись, я увидел старого знакомого – человека, которого я прозвал про себя Высоким Шлемом. Наша последняя встреча на опушке леса была так незабываема, что не хотелось снижать её градус пошлыми частыми встречами.

«Тиун» смотрел на меня с минуту с отвисшей челюстью. Потом он истошно заорал:

– Проща! Тихон! Ко мне! Тут этот, из леса...

Зная по опыту, что эта чудесная компания любит почем зря размахивать автомобильными рессорами, стилизованными под мечи, я не стал ждать, когда к «тиуну» прибудет подкрепление в виде Прохора с Тихоном. Я пустился бежать, прекрасно понимая, что эти серьёзно настроенные ребята вполне могут нарубить меня в капусту, в разрез с законодательством РФ. Приёмы каратэ-до вкупе с добрым словом их

вряд ли останоят.

– Спускай Хвата! – услышал я за спиной не слишком приятные слова.

Что ещё за Хват? Остервенелый лай позади заставил меня похолодеть. Что ж, опасность надо встречать лицом к лицу...

Обернувшись, я увидел, как здоровенная псина непонятной породы мчится ко мне огромными скачками. В считанные мгновения я вспомнил всю свою прошедшую жизнь. Сейчас Хват будет меня есть, а хлопцы – шинковать.

Собака, широко разинув пасть, подскочила ко мне. Повинуясь какому-то наитию, я со всей силы пихнул свою руку ей чуть ли не в глотку. Другой рукой железно взял за загривок – откуда только силы взялись? Челюсти псины так и остались раскрытыми. Сомкнуть их собака не могла, ибо моя рука вклинилась до самого основания пасти. Секундной паузы хватило – я выдернул руку из пасти, после чего прижал Хвата головой к земле.

В этот момент подбежали мои «доброжелатели» – у одного в руках был меч, у двух других – увесистые топоры. Высокий Шлем размахнулся над моей головой...

Жить захочешь, не так раскорячишься! Двумя руками я поднял перед собой, как живой щит, отчаянно вырывающуюся собаку. «Тиун» опустил меч. Тут на меня слева начал надвигаться парень с топором. Но его остановил гневный оклик:

– Не смей, Прошка! Я Хвата для охоты берегу!

Незадачливая тройца начала совершать вокруг меня обходные маневры. Ещё секунда, и они меня возьмут в кольцо!

В это отчаянное мгновение я услышал мощный, чёткий стук множества копыт. Не знаю, почему, но я сразу понял, что пришло моё спасение. В память надолго врезались алые развевающиеся плащи статных дружинников, их блестящие кольчуги и шлемы.

Моих обидчиков мгновенно разметало в разные стороны – как котят. Меня тоже сшибло с ног, чем Хват не замедлил воспользоваться – вцепился-таки мне в руку. Вся эта катавасия продолжалась несколько секунд, после чего раздался властный, но очень спокойный голос:

– Сеньку ко мне на суд, немедленно! Незнакомца освободить, полечить!

Этот голос завораживал – он был полон силы и в то же время – доброты. Воины расступились и я увидел его – князя-батюшку. В том, что это – самый настоящий князь, я ни минуты не сомневался.

Глава 8

Где Санька наблюдает княжеский суд

Могу сказать с уверенностью – дружинники, которые сопровождали нас во дворец князя, были не слишком похожи на тех людей, которых я знал в своей жизни. Во-первых, они держались с каким-то естественным благородством и достоинством, причём без тени надменности или самолюбования. Во-вторых, они были очень добрыми и крайне бережно относились к задержанным – никого не пинали и не толкали. В-третьих, в них чувствовалась реальная сила – видно было, что они люди бывалые и опытные. Но они этой силой не бравовали, а лишь обладали.

А князь... Он был средоточием всех вышеописанных добродетелей. Его лицо, мужественное и красивое, то и дело освещала какая-то необычайно приятная улыбка. Он шла из глубины сердца – несмотря на то, что он ехал вроде бы вершить суд над нарушителями спокойствия и порядка. Видно было, что и дружина подобралась ему под стать, освещаемая его духом.

Я всегда был уверен, что рыба, согласно пословице, гниёт с головы. То есть, моральный климат в коллективе всегда за-

висит от шефа. Могу поручиться, что в этом княжестве «рыба всегда свежая», от головы до пят. То бишь, здесь отличный моральный климат. За исключением, конечно, отдельных уродов вроде этого Сеньки.

Стоп! Выходит, я уже признал, что оказался каким-то образом в прошлом? А что? Вполне вероятно – давешняя «труба» могла оказаться какой-нибудь засекреченной машиной времени. Или какой-нибудь аномалией. Да что мы вообще знаем о природных явлениях?

Доложу вам, что только в художественных книжках и фильмах люди с лёгкостью принимают на веру тот факт, что они попали в иное время – в прошлое или будущее. В реальности поверить в чудеса очень сложно. Даже когда они очевидны. Если только я сплю? Я ущипнул себя за руку – больно. Да нет, уж больно много мелких подробностей и ощущений. Во сне всё фрагментарно. Да и укус Хвата ноет – хорошо, что он не прокусил мою куртку, а только наставил синяков на руке своими клыками. Кстати, надо поинтересоваться подробностями...

– Мил человек, – обратился я тихонько к везущему меня дружиннику, – не посчитай за сумасшедшего! Как князя-батьку зовут и как называется сей славный град?

Воин удивился, но довольно приветливо ответил:

– Князь у нас Владимир, а град – стольный Киев!

– А год какой?

Воин бросил на меня изумлённый взгляд, я поспешил

оправдаться:

– По голове мне крепко съездили, ироды, всё вылетело из неё! Так какой год-то нынче, мил человек?

– Шесть тысяч шестьсот двадцать четвёртый! – отчеканил дружинник.

В моей голове произошло короткое замыкание. Я даже подумал, что оказался в будущем. Потом возникла мысль, что я всё-таки нахожусь в филиале больницы имени Кащенко. Общаюсь с вольноотпущенными. Правильная догадка пришла самой последней:

– Это ты от сотворения мира? А от Рождества Христова?

Дружинник приуныл. Он уже понял, что ведёт во дворец самого настоящего психа. Однако, несмотря ни на что, он так же ровно назвал год:

– Одна тысяча сто шестнадцатый!

Путём нехитрых подсчётов я определил, что нужно отнять 5508, чтобы получить привычную для нас хронологию. Это, выходит, я живу в 7520 году от сотворения мира?

Пока я занимался этой научной работой, Сеньку-ирода больше интересовали политические интриги. Он то и дело поглядывал на князя и всё пытался с ним заговорить. Но князь явно витал в облаках, думая о чём-то своём. Прохор с Тихоном ехали спокойно – им явно было нечего бояться. Они всего лишь выполняли поручения хозяина. Хотя их отличие от княжеских дружинников было налицо – у подручных тиуна чувствовалась иная нравственная начинка. Видно

было, что они готовы исполнить любой приказ. Ну, что-то вроде «быков», появившихся в 90-х годах в России.

Мы подъехали ко дворцу. Изрядных размеров здание было чуток поменьше школы, где я учился и представляло собой причудливое скопление отдельных «избушек», соединённых между собой переходами или просто плотно слепленных друг с другом. По углам высились терема, во дворе было несколько хозяйственных построек, а самое большое помещение находилось на втором этаже этой сложной конструкции. Память выталкивала откуда-то из глубин странные слова «клеті», «гридница», «медовуши». Кажется, гридница – это нечто вроде актового зала, где происходят всякие пиры и торжества. А клеті – это такие «корпуса» дворца, его отдельные помещения. В медовушах хранится мёд и медовуха – вон как сладко пахнет! Радует, что курс школьной истории не прошёл для меня даром. Наверное, это потому, что эта наука мне всегда нравилась – вот и не выветрились знания до конца...

Помимо крытых переходов здания соединяли различные лесенки и мостики, там и сям выступали балконы, радовали глаз причудливые окна. Повсюду высились резные столбы, которые были не только украшением дворца, но и поддерживали нависающие сверху строения.

Стража дворца расступилась, пропуская дружину вместе с нами на внутренний двор. Князь спешил, его коня сразу же увели за дом. Из дворца начали выбегать люди. Все ра-

достно воклицали – видно было, что князь был в отъезде достаточно давно. Обнявшись и расцеловавшись с доброй половиной двора, Владимир призывно посмотрел на дом. Наконец, оттуда выбежала его симпатичная молодая жена и кинулась на грудь князю. Она словно бы стеснялась проявления своих чувств, потому что припав на секунду к своему возлюбленному, она отстранилась. Князь нежно взял её за руку и погладил по щеке. Княгиня покраснела и опустила глаза.

Слуги стали носить воду в деревянных кадках – дабы дружина могла умыться с дороги. Азартно пофыркивая, князь ополоснулся, обтёрся расшитым рушником (я вспомнил это слово!) и пошёл к высокому деревянному креслу, которое вынесли из дома.

– Я сейчас, милая, – кивнул князь своей супруге, – покончу с делами. Тут нужно небольшой суд совершить. Распорядись пока насчёт пира для дружины.

Меня и Сеньку с его подручными подвели к этому «трону». Нас окружила дружина и несколько слуг Владимира.

– Давайте приступим к делу, – посерьёзнел князь. – Властью, данной мне как главе стольного града Киева, прошу тебя, Семён, объяснить, зачем ты напал на этого чужеземца?

Высокий Шлем долго ждал этого момента. Он бросился в ноги к князю и залепетал:

– Не вели казнить! Это не простой чужеземец! Это шпион! Я видел, как он шпионил за бортником и за моими кре-

ствиями в Горловке! Высматривал и вынюхивал что-то!

– Да брось! – сморщился князь. – Зачем что-то вынюхивать тайно, да ещё следить за каким-то бортником? Сюда, в стольный град, ежедневно несколько сот человек приезжает, из дальних и ближних стран. Всё, что можно высмотреть, уже давно высмотрено!

– Да ты посмотри на него, князь-надежа! – возопил Сенька. – Одет он совсем не по-нашему! Ни немец, ни половец так не одевается. Точно, шпион.

И он рассказал строгому судье о нашей чудной встрече. В его рассказе я выглядел нарушителем границы в военное время. Которого нужно сейчас же, на заднем дворе, расстрелять из луков. Впрочем, князь не спешил с выводами.

– А ты что скажешь, мил человек? – обратился он ко мне. – Как тебя звать-величать? И откуда ты сам будешь? Зачем пришёл в Киев?

– Зовут меня Александром. Я всё расскажу, – вздохнул я, – только вы мне не поверите.

– Почему же не поверим? – удивился князь. – Поверим, особенно если твои слова кто-то подтвердит.

– Только поклянитесь мне, что всё это правда! – выпалил я.

– Что правда? – недоумённо спросил Владимир.

– Всё это, – я обвёл рукой кругом. – древний Киев, год, в котором я сейчас нахожусь...

– Неладное он что-то говорит, – заголосила дружина, –

что-то с головой у него.

Князь внимательно посмотрел на меня:

– Да нет, ратники мои славные, вижу, с головой у него всё в порядке. Но не пойму никак, чего же он хочет.

– Поклянитесь, что вы не разыгрываете меня! Что я действительно нахожусь в 1116 году от Рождества Христова в граде Киеве. И что передо мной – действительно князь Владимир Мономах!

– Подтверждаю это тебе, – серьёзно и с достоинством сказал князь, – никто и не думает шутить с тобой. А теперь расскажи, путник, свою историю.

Я набрался смелости и начал рассказывать о своих странствиях. Труднее всего было объяснить людям Святой Руси словосочетание «я из будущего». Это для нас, детей современности это – банальный сюжет фантастического фильма. Тогда же и помыслить такое не могли.

– Ну вот смотрите, – растолковывал я, глядя в открытые рты собравшихся, – я ещё не родился. У ваших внуков будут внуки, а у тех внуков – прапраправнуки. И так далее. А потом на свет появлюсь я – через девятьсот лет.

– Эк, заливает, – воскликнул молодой воин, – врёт и не краснеет! Да как же ты здесь стоишь, ежели ты ещё не родился?

Всё дружно грохнули хохотом, а я принялся объяснять дальше.

– О чём я и толкую вам! Бежал я, значит, от тех злоде-

ев, они стреляли мне в спину из... ну, в общем, стреляли. И я попал в такое место, где всё кружилось и крутилось, дул сильный ветер и было тёмно. Меня закувыркало, в итоге я очнулся уже у вас...

Князь пристально смотрел мне в глаза. Сейчас было видно, что он гораздо умней своих дружинников. И проницательней. Пока крепкие парни дивились моему рассказу и потешались надо мной, он словно бы сканировал моё лицо, крепко размышляя о чём-то.

– А нет ли у тебя, досточтимый Александр, какого-то доказательства твоему рассказу? Ну, наверняка, люди через столько лет станут жить по-другому. Что одежда у тебя непривычная, я вижу. Но это ещё не доказательство. Так могут сшить и на Востоке. Да и немцы чудно портняжат для нашего глаза.

– Да нет, князь, – возразил я, – так в ваше время не шьют. Посмотри на ткань, на то, как сшито. Да у вас даже швейных машинок нет – всё вручную портные делают.

Пока я объяснял, что такое швейная машинка, мою одежду тщательно осмотрели и пощупали десятки рук. Воины дивились моей странной одежде – ярким буквам на рубашке, джинсовой ткани, обуви. Но князь всё же сомневался. И тут я хлопнул себя по голове. Как же я мог забыть про сотовый телефон! Таких штучек в их время точно ещё не изобрели!

– Вот, гляди, князь-батюшка, – я вынул телефон из кармана и включил его.

Заиграла музыка и засветился экран – один из воинов дёрнулся было, чтобы отгородить князя от меня, но тот остановил своего телохранителя.

Ситуация была сюрреалистичной: древнерусское княжеское подворье, полное вооружённых воинов в кольчугах, а в середине этой толпы парень в джинсах хвастается своей машиной самому Владимиру Мономаху!

Хорошо, что я вовремя выключил телефон и сохранил немного заряда батареи. Князь ещё сомневался поначалу, но когда я показал ему видео и фото, у него, выражаясь современным языком, отпала челюсть. Потом мобильник пошёл по рукам, все смотрели видео, снятое на фоне бизнес-центра, сооружённого из стекла и металла. И ещё много других роликов, пока батарея не села.

Глава 9

Где Санька вводит князя в состояние лёгкого ступора

Уже несколько часов я работал музейным экспонатом. Или слоном в зоопарке. Приходилось стоять почти неподвижно, сохранять приветливое лицо и не чесаться при этом в неприличных местах. Весь княжеский двор уже внимательно осмотрел меня с ног до головы, мою одежду и обувь пощупали во всех местах, вывернули наизнанку и едва ли не попробовали на зуб. Хорошо ещё, что не заставляли открывать рот и не выстукивали череп на предмет обнаружения мозга.

Осмотр происходил циклично – те, кто недавно отошёл из природной скромности, вскоре вновь возвращались поглазеть. Честно говоря, меня это уже начинало напрягать. Я дико устал, сказывались перенесённые стрессы и нагрузки. Хорошо ещё, что князь-батюшка запретил кому-либо рассказывать эту историю за оградой двора. Мой телефон отключился, и я чувствовал, что это, вполне может быть, навсегда.

Наконец нас всех пригласили в гридницу – был готов пир на весь мир. Князь милостиво посадил меня возле себя, что наверняка было большой честью. Стол был густо уставлен

яствами — жареными утками и поросятами, всевозможными соленьями и сладостями, чашами с икрой и мёдом. Вот уж поистине экологически чистые кушанья! Ведь ещё никто не придумал ГМО и всяческие Е-добавки. А нефтепродукты и канализационные стоки ещё не стекали в то время в Днепр.

Если сказать честно, то вкус многих блюд мне показался непривычным. За девять веков, которые прошли над Землей до моего рождения, изменились не только кулинарные пристрастия, но и сам способ готовки.

Я отметил, что древние русичи особенно налегали на всевозможные соления и квашения, а пили легкий медовый напиток или клюквенный морс. Спиртного на этом пире я не увидел вовсе.

Князь ел меньше всех — всё больше ухаживал за гостями и за супругой. Он подходил к каждому с лаской и улыбкой, часто обходил стол кругом, высматривая, кто ещё остался голодным или без внимания. В итоге довольными остались все. Естественно, что все косились на меня, как на какую-то диковину. Но разговоры всё же шли своим чередом. Я отметил, что обстановка на этом пире сильно отличалась от ауры тех посиделок, к которым мы привыкли в 21 веке. Во-первых, никто здесь не сквернословил и не подкалывал друг друга, даже дружески. Все общались очень плавно, миролюбиво, говорили медленно и напевно, будто впереди было ещё трое суток. Впрочем, не исключено, что старые друзья в то время вполне могли потратить и неделю на застолье.

Времени было не жалко, оно, в отличие от нашего заполошного века, текло как-то медленно и вольготно.

— А я тебе и говорю, Васятка, — горячился жилистый седобородый старик, беседовавший с румяным и немного дородным юношей, — что пока мы с батюшками Владимиром Всеволодовичем и Святополком Изяславовичем не сходили в поход супротив половцев полтора десятка лет назад, выйти в степь погулять нельзя было. Налетали эти аспиды, да сразу в полон вязали!

— Ох, пользуешься ты моей молодостью, дядя Дорофей, — басил Васятка, — страшась! До вовек не поверю, что половцы возле самых стен киевских бегать смели!

— Отчего ж ты не веришь? — неожиданно появился у него из-за спины князь. — После того похода ещё четвёрк лет прошёл — хан Боняк пришёл нам грозить. Мы вместе с Олегом и Святополком его разбили наголову. А ведь было время, когда Боняк почти Киев брал...

Я слушал эти неспешные речи и тут мне неожиданно стало страшно. Так сильно, как бывает только ночью, в полном одиночестве. Когда дышать темно и воздуха не видно. Я вдруг полностью осознал, где я оказался. В чужом времени, где у меня нет ни одного друга, родственника или коллеги. Здесь я не могу позвонить своему другу и однокласснику Серёге, с которым мы сидели за одной партой. Да что там говорить — мои родители и жена остались там, в далёком 21 веке! И я их вряд ли когда-нибудь увижу! Не исключено, что

мои кости найдут археологи, а родня даже не поймёт, что это мои останки! Наверняка за девятьсот лет даже мобильник сгниет до неузнаваемости. Если его ещё раньше не разобьют какие-нибудь половцы...

Хотелось бежать куда-нибудь без оглядки, с диким воплем. Мамочки! Да что же это такое делается! В эту секунду меня кто-то мягко взял за локоть.

– Успокойся, мил человек, – услышал я негромкий голос князя, – вижу, взволнован ты. Знаю, страшно тебе у нас оказаться. Дивное ты путешествие совершил – не каждому такая судьба выпадает. Вспомнил я семь отроков эфесских, на тебя глядя.

– А что это за отроки? – удивился я.

– Те, что заснули при нечистом императоре Траяне, который христиан гнал, а проснулись через две сотни лет, когда правил христианин Феодосий Младший.

– Реально такое было? – поразился я.

– Даниил Паломник, игумен, ходил во Святую землю двенадцать лет назад. И видел святые мощи этих отроков, лежащие в пещере.

...Как-то так получилось, что князь отвлёк меня от страха, в итоге я совсем о нём позабыл. Вот благой человек – рядом с ним было как-то хорошо и спокойно. Князь слегка сжал мою руку и прошептал:

– Жду тебя после пира – хочу беседовать с тобой с глазу на глаз, наедине.

Пиршество продолжалось – Васятка был полностью убеждён свидетельством Мономаха, но темы для дружеского общения на этом не исчерпались. Между делом я узнал, что жену князя зовут Ефимией, и что она – бывшая половецкая княжна, принявшая новую веру и имя. Похоже, что эта скромная и симпатичная девушка была вполне довольна своей новой судьбой.

Кстати, а где столь рьяно преследовавший меня Сенька со своими сподручными? В этой суеде я совсем забыл о нём – да и где тут упомянуть, ежели тебя, словно развалины Колизея оглядывают и ощупывают толпы зевак. Тревожась за печальную судьбу тиуна, я спросил о нём у дяди Дорофея, бывалого рубаки. Он махнул рукой:

– Князь батюшка его в пещеры послал. Вместе с костоломами. Авось исправятся.

– А что за пещеры? – поинтересовался я.

– Ты не знаешь? Ах, ну ты ведь ничего у нас не знаешь, – улыбнулся дед. – Монастырь великий, где монахи в пещерах подвизаются. Послужат братиям там, помолятся – глядишь, поумнеют. Князь о Сеньке у крестьян справлялся – ты его внимание обратил на сего ирода. Замучил совсем людей подневольных своими причудами.

В моей голове никак не могли уложиться слова о «монастыре пещерном великом». Да это же знаменитая Киево-Печерская Лавра! Может быть, ещё живы знаменитые на весь мир святые – Антоний и Феодосий Печерские! Если честно,

то я не помню даты их смерти. Я аккуратно поинтересовался у деда:

– Дядя Дорофей, скажи, а преподобный Феодосий ещё жив?

– Эва куда махнул, – присвистнул старик, – уж сорок лет как закатилось солнце наше красное. Я юнцом был, ещё помню его, да чудеса, которые по молитве его делались...

Старик взгрустнул. Потом приосанился:

– А что? У вас в этом, как его? В будущем, что ли? Неужто, будут знать о преподобном?

– Не только, – улыбнулся я. – И о князе вашем память сохранят. Только вот не всем эта память впрок пойдёт...

Разошлись далеко за полночь. Но это только предположительно, ибо время можно было определить лишь по звёздам – наручные часы я не носил. Все потянулись по комнатам, челядь ушла спать на первый этаж, а дружина расположилась на втором.

Князь повёл меня в свою комнату. Обернулся в коридор, посветил свечой, тщательно запер дверь за собой. Посадив меня в кресло напротив себя, приготовился слушать:

– Не забавы ради я позвал тебя. Многих тайн нельзя знать простым людям – они могут их соблазнить и привести на путь грешный. Посему изложи мне всё, что можешь сказать о своём времени. Есть у меня и сокровенная мысль – ежели ты русский человек и обладаешь секретами военными, расскажи их мне. Ибо государство наше постоянно страдает от

набегов половецких, разоряют они села и нивы. А твёрдой управы на них нет.

И тут я глубоко задумался. А ведь я ничего особенного не знаю. Это в книге Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», главный герой знает, как добывать железную руду, как её превращать в сталь, как изготовить порох и ружьё, как делать те или иные станки и приборы. А я знаю, куда воткнуть видеокарту компьютера, но как и из чего её делают, не имею никакого представления. Вот оно – обрывочное образование моего времени! Наши отцы и деды ещё имели энциклопедические познания, мы же почти ничего не знаем без Интернета. Да и с Интернетом немного можем – не хватает дерзости и желания трудиться.

Несмотря на эти размышления, я всё-таки хотел начать свой рассказ в бравурном тоне – как человек светлого будущего представителю тёмного прошлого. Но сам не заметил, как начал жаловаться князю. Располагал он к этому, что ли...

– Понимаешь, князь, живём мы в таких домах, ровных, как коробка и многоэтажных. Ну, то есть, как у тебя во дворце два этажа, так у нас десять или и вовсе двадцать.

– А где же у вас огороды, земля?

– Да в том-то и дело, батюшка, что земли в наших городах нет. Живём на голове друг у друга, вокруг один бетон да асфальт. Один двор крошечный на пятьсот человек, да и тот собаками загаженный. Не знаем мы, князь, тех, кто с нами

на одном этаже живёт, не говоря уж про дом и подъезд.

– Это как же так?– недоумевал Мономах

– Да вот так! Утром уходим на работу, максимум, в лифте, ну в таком ящике, который на верёвке нас вниз опускает, столкнёмся. И дела нет до этого человека.

Рассказывая о технических достижениях нашей эпохи, я тоже хотел было возгордиться. Но опять не получилось:

– Эти телефоны мобильные – в любой точке ты можешь поговорить с нужным человеком, в любую секунду. Эх, князь, вот бы в ваше время так дружины координировать! Впрочем, знаешь, как утомляет, когда тебя каждую минуту дёргают? Хотелось бы вовсе без телефона – чтобы о своём подумать, в одиночестве побыть. То же самое и Интернет – это вроде бумаги такой, которую за секунду можно на край света переслать – на экране видно, вроде как у телефона, который я тебе показывал. И смотреть на эти бумаги не хочешь, а всё равно – тянет. И пишут мои современники с делом или без него – даже говорить друг с другом вживую забывают.

Про машины, «колесницы без лошадей», у меня тоже вышло как-то невесело:

– Всё куда-то спешим, несёмся... Дела у нас, видите ли! Время наше как будто кто-то нахлестывает! Как будто оно вот-вот кончится. Сел на машину и мчишься. Удобно – не нужно ногами ходить. И быстро, и комфортно. Вот только теперь на улице страшно ходить – того и гляди, собьют. А когда я был маленький и ещё не было столько машин, мы

пускали кораблики в весенних ручьях на шоссе. Попробуй это сделать сейчас! Сегодня детей вообще не отпускают гулять одних до двенадцати лет – боятся, что сообьют. Или маньяков боятся...

Когда я объяснял князю, кто такие маньяки, он не в силах был сдерживать своего гнева:

– Тьфу, что за время у вас отвратительное! Святый Боже, огради нас от такого! Дожили, докатились, потомство наше, ничего не скажешь!

– Это ещё что, батюшка, – махнул я рукой, – маньяки хотя бы вне закона. А разврат и гомосексуальность всякая – это в моё время едва ли не норма. По телевизору такое показывают...

Я попытался растолковать Мономаху, что же такое телевизор. Про гомосексуальные отношения он знал, но в его время «мерзость греческая» была редкостью несусветной. «Лично бы засёк таких, если б узнал», – в сердцах бросил князь.

– По телевизору с утра до вечера идёт такой шлак, что включать не хочется, – неожиданно для себя я едва не плакал. – Я лично телек не смотрю, но ведь другие смотрят. Бесстыдство, пошлость, тупость – всё это льётся с экрана, как водопад. Страшно за народ, который видит такое. Результаты мы уже видим на улицах. Воспитан потребитель, для которого слова «честь, совесть, Родина» ничего не значат. Он плюёт, бросает банку, матерится – другие уберут, обслужат.

– А Бог? – оживился князь. – Верят ли у вас в Бога?

– В Бога? – задумался я. – У нас верят, что всё на свете образовалось случайно. Что человек от обезьяны произошёл, а та образовалась от слипания молекул. Которые, в свою очередь, получились от удара молнии и подогрева всяких химических элементов. В общем, такие дела, князь...

– Как же так? – недоумевал властитель Киевский. – Как можно верить в такое? А дворцы у них сами собой не строятся? Что если они увидят статую красивую или мозаику в церкви? Тоже подумают, что они случайно вытесались из камня? А ведь и человек и животное намного красивше и сложнее статуи!

Вскоре мы подошли вплотную к военной теме. Здесь мне, как сыну своего времени, было чем «похвастаться»:

– В будущем, дорогой князь, наука убийства себе подобных достигнет невероятного развития. При общей гуманности людей станут убивать оптом и в розницу, то бишь, по одному и пачками. Иногда за деньги, а иногда – за просто так. Причём теперь на войне станет неважно – доблестный ли ты человек, сильный ли воин. Любой чахлик с автоматом в руках с лёгкостью пришибёт верзилу, а иной очкарик отправит на тот свет целый город, нажав на кнопку.

Вкратце объяснив князю, как действует стрелковое оружие, танк, самолёт и ядерная бомба, я добавил:

– Впрочем, я даже рад, что не знаю, как изготавливать эти смертоносные вещи. Поверь, княже, что к добру они в вашем времени не послужат. После тебя будут князья не столь доб-

родетельные, и они на полную катушку воспользуются этими страшными предметами...

– Ты прав, Александр, – пробормотал князь Владимир, – ни к чему нам ужасы твоего времени. Мы уж лучше так, по старинке – мечами да копьями... Кстати, – Мономах пристально посмотрел на меня, – а что это за боевая наука, которую ты применил к Сеньке и его подручным? Пока тобой мой двор дивился, я послал за крестьянами из Горловки – они мне всё рассказали. Думаю, умение хорошо драться без мечей нашему времени не помешает.

Честно говоря, мне стоило труда убедить князя, что я не владею каратэ и джиу-джитсу, а также не проходил практику в Северном Шаолине:

– Мне помогла наглость. Честно говоря, я думал, будто Сенька вместе с помощниками – ряженые или сумасшедшие. Сейчас, зная, что они могут меня нарубить на куски, я бы не осмелился так нападать. Да и они не ожидали от безоружного пешехода такой прыти.

Поразмыслив, князь согласился со мной. И внезапно задал мне самый сложный вопрос:

– А что будет с Киевом? Сохранится ли сей град до твоих дней?

– Сохранится, – нахмурился я, – а остального лучше тебе не знать, князь. Лучше дожить свой век спокойно и не ведать того.

Но князь так решительно просил меня поведать ему прав-

ду, что я не смог отказать. С удивлением я узнал, что во времена Мономаха название «Москва» уже было известно:

– Да быть того не может, чтобы эти деревушки болотные стольным градом стали! – поразился князь Владимир. – Там же сырость вечная, да леса непроходимые!

Пользуясь моментом, я поспешил узнать от сведущего человека, откуда происходит загадочное название русской столицы.

– Московь? – прищурился князь. – Это так наши деды и прадеды говорили – вроде как это значит «болотная или мокрая». Древние русичи «московью» всякую сырость кликали.

Вот тебе и раз! Выходит, никакие «Мосох» и «Ква» здесь ни при чём, также, как неверна и гипотеза финского происхождения слова! Вот только... Не исключено, что я никогда не донесу это славное открытие до своих современников.

– Там сегодня много деревушек, – рассказывал князь, – Воробьево, Симоново, Высоцкое. Был я там проездом, когда в Ростов ездил, храм закладывать.

Лично я всегда был противником теории, что вмешательство в прошлое необратимо изменит будущее. Мне кажется – чему быть, того не миновать. Посему я говорил с князем без страха, что с карты современной мне России исчезнет мой родной город, а вместо него появится какой-нибудь Нижнеплюйск-Залесский. И всё-таки, рассказывая князю о будущем значении Москвы, я подумал, что именно его сыну, Юрию Долгорукому, приписывают основание крепости

на Москва-реке в 1147 году. Впрочем, если я попал в это время, значит так было надо...

Я долго втолковывал князю, что русские люди разделятся в будущем на украинцев, белорусов и «москалей». И что именно «москалей» по версии случайных правителей Киева, «зробили» на Украине «голодомор».

Князь, слушая всё это, рвал и метал. Казалось, что он сейчас пробьёт посохом стену и повелит немедленно привести к нему тех, кто разделил некогда единую Святую Русь. На лютый, но справедливый правёж, то бишь взыскание долгов.

Я поведал о Чернобыле, о том, что Киев тоже будет страдать от аварии на АЭС. Радиацию я описал, как «незримую смерть», которая проникает сквозь стены.

Князь сидел, понутив голову, зажав её между рук:

– Ой, в страшное время ты живёшь, путник, в страшное... Лучше мне того бы не знать. Мы же все трудимся, верим, что будущее будет светлым для Руси.

Тут он встал, глубоко вздохнул и вперил в меня свой указательный палец. Глаза князя пылали:

– Но знай, странник – будет жить Русь! Ещё всем врагам, её окружившим в твоё окаянное время, мы докажем – будет жить! Ещё задрожат все умышляющие зло и одного имени Руси убоятся! Знай это!

У меня, если честно, мурашки по спине побежали от этих слов. Я чуял, что это не просто слова – это пророчество. Как бы я хотел увидеть родную страну сильной, как встарь, а са-

мое главное – без погани, занесённой извне, без этих порнушных передач и журналов, без политического словоблудия и международной слабости, с сильным и решительным главой, реальным защитником народа и его исконных ценностей. На тот день, когда я покинул своё время, такой триумф России виделся мне проблематичным. Хотя... Не исключено, что мои современники, устав от мерзостей так называемой «демократии», воспитают своих детей совершенно в ином духе.

– А что будут делать мои дети и внуки? – улыбнулся Мономах. – Хоть они не отойдут от отцовых постановлений?

– Прошу тебя, князь, не спрашивай меня об этом! – взмолился я. – Хоть это дай сохранить в тайне. Скажу тебе, что твоё «Поучение» сохранится до моих дней. И каждый русский сможет прочесть его в Интернете. Скажу, что земля русская в конце концов соберётся под одним началом, но только после испытаний. Моё время, как мне кажется – это тоже испытание.

Мы окончили наш разговор, когда уже начинало светать. Вот что значит – государственный человек. Не пожалел времени и сил для разговоров о далёком будущем. Разошлись мы оба со светлым настроением. Меня ободрило пророчество князя, а Мономах нёс в сердце радость о грядущем укреплении Руси. Хорошо, что он никогда не узнает о распрях между князьями, которые начнутся сразу же после смерти его сына Мстислава, о грядущем татаро-монгольском

иге...

Глава 10

Где Санька вкушает все прелести вольницы

Вот это кайф! Запахи разгорячённой степи ласкали ноздри, а топот копыт совершенно не нарушал вселенской гармонии, царящей здесь. Как же не хватает нам, мужикам, этой небывалой вольницы, этих просторов, этого ощущения полной оторванности от повседневной жизни! Мы заперты в комнатах обыденности, вырываясь из них разве что на рыбалку или на время утренней пробежки в ближайшем парке.

Воистину, 21 век – это век женщины. Женщина – это комнатное существо, как бы самим Богом предназначенное для существования внутри всевозможных помещений. Плотная застройка нашего беспокойного века почти не трогает дам, ибо они получают прекрасную возможность переходить из дома в дом, почти не соприкасаясь со слишком холодным или чересчур жарким внешним воздухом. А что ещё нужно женскому полу? Смена интерьеров и вещей, да возможность посудачить с далёкими подругами по Интернету или сотовому телефону.

А вот мужчины... Видно, сильно мы накосячили в предыдущих веках, надолго оставляя своих подруг в одиночестве

во время походов и войн. Двадцать первое столетие – это век бесконечного стресса и сдавленного существования для мужика. Он терпит, смиряется, делает вид, что его интересует шоппинг или другое чинное времяпрепровождение. А сам жаждёт уйти в леса, забуриться на природу, потерять сотовый и затаиться, словно беловежский партизан. Вот откуда растут ноги у всех этих пьянок и рыбной ловли в каждые долгожданные для жён выходные. Это желание потеряться. И хоть немного расслабится. Потому что один вид горизонта, окружённого многоэтажками – это подспудный стресс, который имеет свойство накапливаться.

Да, кстати, я забыл рассказать о том, что мы с князем отправились в большой поход. Перед этим мне присвоили почётное звание княжеского советчика. За что? Да кто его знает! Я ведь ничего толком и не умею. В своё время трудился журналистом, марал потихоньку бумагу, что лично я не считаю созидательным трудом.

Мы едем, вы не представляете куда! Во Францию! Да-да, в средневековый Париж. Вот ирония судьбы – в далёком будущем я всё никак не мог выехать в это государство, хоть жена всячески мечтала попасть в столицу моды. Она вообще фанатеет от всего французского. В моё время я попал бы сюда за несколько часов – на самолёте. А вот теперь, как предрекают бывалые дружинники, мы будем ехать туда целый месяц.

Цель нашего путешествия – отдать замуж младшую дочь

князя Агафью. Она, кстати, едет не верхом, а внутри эдакой «русской кареты» – крытой кибитки, набитой всевозможными подушками и одеялами. Рядом ковыляют ещё две кибитки – с мамками-няньками и разношёрстным гардеробом. Приданое везут на повозках поменьше.

Бедные женщины! В те годы никакие «вип-персоны» не были ограждены от тягот дороги – комфортабельных лайнеров и самолётов ещё не придумали. Поэтому княгиня и другие дамы в нашем походе чрезвычайно мучались. Между тем, на мой взгляд, если бы они сели верхом, им стало бы гораздо легче. Трястись час за часом в пыльной кибитке – я бы и сам сошёл с ума.

До похода я ездил на лошади целый один раз. Это историческое событие произошло на Чёрном море, в горном посёлке Прасковеевка. Минут сорок я плёлся верхом на хромой кобыле со скоростью пять километров в час и наслаждался чудными пейзажами. Хорошо хоть запомнил, как садиться на лошадь и как правильно держать поводья.

Благо, из-за наличия обоза воины князя ехали довольно медленно. Но даже на такой скорости я едва держался в седле. Самая лучшая учёба – это практика. К обеду я считал себя едва ли не асом верховой езды. По крайней мере – искренне наслаждался процессом. Но я сильно себя переоценивал. Князь попросил меня и ещё нескольких дружинников съездить в ближайшее село – дабы пообедать с уютом, а не в чистом поле. Хлопцы так припустили, что только пят-

ки засверкали. Мой конь, разгорячённый резвым аллюром «коллег», тоже рванул с реактивной скоростью. Я вцепился в поводья как клещ, и без перерыва молился, чтобы не шлепнуться с коня. От скачки все мои органы тряслись с такой силой, что грозили выскочить через рот. К счастью, эта попытка завершилась через пять минут – мы въехали в село.

– Что ты, добрый человек, как мешок болтаешься в седле, – добродушно молвил Василько, румяный и мощный воин. – Не ездил, али, ни разу?

– Да ты думай, что говоришь! – цыкнул на него дядя Дорофей, который тоже отправился с нами в этот тяжёлый поход, хоть князь и хотел оставить старика дома. – Али забыл, откуда наш Санька прибыл?

...В деревне начался такой аврал, что только держись. Видно, князь ещё никогда не посещал это захолустное местечко. Чтобы представить себе страх этих людей, представьте, что современный нам президент посетит какой-нибудь провинциальный городок без предупреждения...

Князь взял с собой довольно большое войско – три сотни дружинников. Мало ли – путь лежит через всякие не слишком дружелюбные земли, да и разбойного люда везде хватает. Каждый воин вёл в поводу две, а иногда и три лошади, а ради княгини с её обозом пришлось брать с собой десятка два лошадей. В общем, когда вся эта армада въехала в деревню, старейшине явно поплохело. Местные мальчишки сразу повели лошадей поить на речку, а взрослые разжигали

ли огромный костёр для готовки пищи. В нашу честь забили здоровенного быка, но готовили его вовсе не тем способом, который показывают в мультфильмах. Быка разделали на части и изжарили на углях, почти так же, как делают обыкновенный шашлык. Никакой вертел не применялся – как сказал мне дядя Дорофей, готовить таким методом «слишком неспешно».

Скажу вам честно – после того, как я провёл каких-то полдня на лошади, я еле ходил. То место, что откровенно называется промежностью, болело, словно там был сплошной синак. В итоге я ковылял, словно раненый, в раскоряку. Ещё эта кольчуга, которую князь заставил одеть, звенела, как бубенчики, при каждом шаге.

Князь, перед тем как выехать, вручил мне полное обмундирование – кольчугу, меч, шлем и щит. Всё как полагается. Только лук не дал – да оно и к лучшему, лишнюю тяжесть с собой таскать. Доложу я вам, что весь этот прикид весил килограмм десять. «Рубашечка» одна тянула на три кило, да ещё шлем со щитом были весьма нелёгкими. Хорошо, что на марше допускалось снимать шлем и покрывать голову платком, а щит можно было повесить на бок своей коняшки. Меч болтался справа и постоянно задевал за ногу. В общем, издержки военного времени – тогда без такой экипировки путешествовать в степях было большим легкомыслием.

Во время «обеденного перерыва» я с удовольствием осматривал быт русских крестьян того времени. Отметил,

что дома были добротные, а люди не забитые, а держащиеся с достоинством. В их взглядах читалось: «Ну да, князь, и что дальше? Такая профессия, никуда не денешься. А мы – крестьяне». Это в дальнейшем всяческое человеческое достоинство в нашей стране будет уничтожаться жестокостью и самолюбием властимущих, а также всяческими жуткими набегами чужестранцев.

В глазах крестьян, конечно, мелькнул страх, когда они слышали слово «князь», но имя Мономаха их совершенно успокоило – Владимира Всеволодовича здесь явно уважали и не боялись.

Я заметил, что крестьян тоже пригласили к трапезе, причём князь распорядился угостить их хлебом из своего обоза. Деталь, конечно, невозможная для более поздних времен – когда на Руси усилилась государственность, но улетучилась святость.

Княгиня Агафья не выглядела весёлой. И я её отлично понимал – ехать на чужбину к жениху, которого никогда в жизни не видела, это не на борщ к тетке пожаловать. Но что ж поделаешь – политика...

Агафью везли выдавать замуж за Людовика VI, короля Франции, прозванного Толстым. По свидетельствам многих, этот самый король был вовсе неплохим парнем – воспитывался в монастыре, благодаря чему имел незлобивый нрав и испытывал особый трепет к церкви и священнослужителям. Такой брак несомненно послужил бы сближению двух

держав, тем более, что на Западе в этот период Русь уже начали усиленно отторгать. По сути, это была ещё одна отчаянная попытка князя «задружить» с Европой. Которая уже разнюхала растущую силу «русов». Не исключено, что именно здесь закладывался раскол между Востоком и Западом, между тягой к духовной жизни или к земному уютному обустройству.

Перед походом князь вкратце рассказал мне о животрепещущих подробностях византийского быта. Русь забирала от умирающей империи драгоценную веру, а вот от остальных мерзостей стремилась откреститься:

– Есть у них судебный сборник, – сморщился князь, – «Эклога» называется. Так там сплошное членовредительство. Руки, ноги рубят, ослепляют. Не по-русски это. Я Бога боюсь – всё у нас штрафами заменено, в крайнем случае, всыпят провинившемуся плетей. Но ноздри вырывать – это пусть оставят себе!

...Уезжая, князь одарил крестьян серебром. Плата за быка была столь щедрой, что старейшина не хотел брать и всячески отказывался. Ещё одна выразительная деталь нравов наших предков, которых спустя века станут считать жестокими...

...Семь дней в конном походе закалят любого человека. Первые несколько дней я не мог уснуть вечерами – ломило всё тело. Руки, вынужденные весь день держать поводья, отваливались, спина ныла, а про ноги и вовсе говорить не буду.

Однако, ежедневная тренировка сделала своё дело – теперь я прекрасно держусь в седле, а Василько за несколько обеденных привалов научил меня «русской джигитовке». Другой дружинник, Игнат, суровый мужик сажённого роста, по вечерам учит меня обращаться с копьём и мечом. Выходит плохо – после короткой сшибки Игнат угрюмо констатирует: «Убит». Иногда он лупит меня мечом плашмя по спине – для пущей науки. Это весьма больно, доложу я вам – меч увесистый, да и рука у воина мощная.

Меня поразило, как двигается этот дружинник во время тренировок. Современные спортобозреватели наверняка применили бы к нему знаменитую фразу: «Порхает как бабочка, а жалит как пчела». Он молниеносно уклонялся от моих выпадов лёгкими движениями – попасть в него было почти нереально, словно в трепыхающуюся на ветру тряпку.

– Работают меч и щит, – наставлял он меня, – щит закрывает, если не можешь увернуться, меч разит. Ноги лёгкие, готовы к прыжку, как у зверя.

На шестой день я пару раз смог коснуться Игната мечом. При этом у меня было ощущение, что он поддался. До его уровня мне пока – как до Пекина на карачках. Зато в «конной школе Василька» есть существенные успехи – мы учимся скакать во весь опор, работая мечом направо и налево. Я всегда любил лошадей – без фанатизма, но уж больно эти животные красивы и грациозны.

Во время последнего дневного перехода, князь, почему-то

воспылавший ко мне доверием, поведал мне полную боли и разочарования историю замужества двух своих дочерей.

– Понимаешь, Санько, – объяснял он, – у нас, князей, жизнь не такая сладкая, как думается. Всюду только и ищешь выгоду для земли русской, даже личную жизнь, своих родных отдаешь для этого. Сколько я сил положил, чтобы укрепить отношения с соседними державами!

Владимир Всеволодович рассказал о замужестве своей старшей дочери Марии. Он выдал её за наследника византийского трона Льва Диогена, которого впоследствии многие историки посчитали за самозванца:

– Сами же интриганы византийские и распространили эти слухи. Он имел права на трон, как законный сын своего отца, убитого заговорщиками.

По словам князя, византийский царевич сейчас правил в болгарском городе Доростоле:

– А доченька моя, Мария, в Киеве одна. Да и что за жизнь у них? Царевич всё время в походах, воюет без конца. Я почему за него дочь отдал? Да потому, что он настоящий человек – прямой и честный. С ним можно иметь дело. А сегодня Византия – это гнездо змей. Они своих не жалеют, да пытаются всем миром управлять. Мы уже несколько раз их укорачивали, но видно мало...

История второй дочери князя была ещё более трагичной. Она была выдана замуж за Кальмана I, короля Венгрии. Но Кальман начал искать сближения с Византией, дабы проти-

водействовать влиянию папы. А отношения с Византией у Мономаха тогда были очень плохими – греческая империя, словно нынешняя Америка, активно вмешивалась во внутренние дела других стран.

– Нос эти греки суют, куда не надо, да всё указывать норовят, – проворчал князь, – да это бы ещё полбеды, ежели бы не интриговали, да не ссорили князей русских. Вечно посулами да подарками кого-то купят, а кого не купят – улестят речами сладкими.

В итоге дворцовых интриг Евфимия была обвинена Кальманом в супружеской измене и выслана домой. Князь и сейчас, рассказывая об этом, не мог удержать слезу:

– Моё непорочное дитя в такой гадости обвинить! Да она в жизни даже мыслей таких не ведала – воспитывалась, как в монастыре!

Обмолвившись, что деяние не осталось для Кальмана (князь назвал его Хромым) безнаказанным, Мономах вздохнул:

– Может хоть у младшей доченьки судьба сложится...

Ночью я впервые стоял в дозоре. По лагерю каждый вечер выставляли четырёх часовых – по всем сторонам света. Стоять мне выпало во вторую смену – с полуночи до двух часов. Вы спросите, как же древние русичи определяли время, да ещё ночью? Да очень просто: дядя Дорофей научил меня этому нехитрому искусству. Для этого требовалось найти на небе Большую Медведицу и провести прямую линию меж-

ду двух звёзд, образующих правый «борт» Ковша. Эта линия неминуемо упиралась в Полярную звезду и заодно служила «стрелкой» небесным часам. Большой Ковш крутился вокруг Полярной звезды, за сутки проходя полный круг. Вот только эта титаническая «стрелка» вертелась не как на обычных часах, а в обратную сторону.

По моим подсчётам уже можно было смело будить своего сменщика. Кстати, им был Игнат. Оглядев нереально пылающее звездами небо, я сладко потянулся. Путешествия в 12 веке – это совсем не то, что в 21-м. Нигде не валяются пластиковые бутылки и банки, нет пыльных трасс и запаха бензина. Да что там говорить – даже признаков людей нет, хотя мы идём сквозь достаточно густонаселённые для того времени места. А воздух... Это просто с ума можно сойти, какой здесь воздух! Я осмотрел мириады миров, мирно почивающие над моей головой и внезапно ощутил всю ничтожность человека. Мы даже не муравьи рядом с этими расстояниями – мы пыль, прилипшая к самому мелкому из электронов Вселенной...

Мне показалось, что в полусотне метров от меня качнулась ветка. Что это? Летучая мышь, зверь или... Я внимательно всматривался туда, покрепче сжав меч и щит. Нет, наверное это от ветра. Желая удостовериться, что там никого нет, я отошёл от княжеского шатра шагов на двадцать.

В эту секунду словно из-под земли возле меня нарисовался мужик с кинжалом в зубах и верёвкой в руках. Меня спас-

ла моя нервическая привычка постоянно оглядываться по сторонам – иначе этот персонаж непременно одел бы на меня этот «галстук». Обычно от неожиданной опасности я цепенею – сколько ни ругал себя за эту особенность, но ничего с собой поделать не мог. А тут рука сработала быстрее мозга – я сделал резкий выпад в живот незнакомца. Меч, ушёл ему в брюхо, словно в мешок с соломой. Никогда не забуду этих выпученных глаз и жуткого хрипа...

И тут я заорал, как припадочный. Мужик хрипел, пучил глаза ещё сильнее, тянул ко мне руки с верёвкой. Соседние кусты начали шевелиться как при сильном грозовом ветре, но оторваться от своего неожиданного «партнёра» я не мог. Лишь орал без перерыва, как сирена, объявляющая воздушную тревогу. Один из пробежавших мимо лазутчиков попытался рубануть меня саблей на ходу, но я закрылся щитом. И в эту минуту я увидел, как справа от меня появился Игнат. Он орудовал мечом, как вентилятор. Он бился так, что «Матрица» отдыхает – враги разлетались в стороны, как щепки. В это время подтянулись и основные силы дружины – воины на ходу надевали шлемы и вступали в бой плечом к плечу.

Моего лазутчика давно сшибли с ног, и я стоял как дурак, в тылу битвы, с окровавленным мечом в руках. Тут только я увидел, как много было нападающих. Если бы я ещё чуток засмотрелся бы на звёзды, нас бы всех перерезали во сне. Впрочем, я об этом уже не узнал бы.

Дружинники махались, словно боги войны – пришельцы в чёрных одеждах отступали по всем фронтам. Тут прискакали на лошадях припозднившиеся воины из нашей «бригады» и ударили по незнакомцам с фланга. Налётчики моментально смешались и побежали. Их гнали до леса, при этом уйти удалось немногим. Человек десять скрутили верёвками и потащили на допрос к князю.

Дядя Дорофей оглядел моё бледное лицо и меч, после чего криво ухмыльнулся:

– Не переживай, у воина рано или поздно такое случается...

А Василько похлопал меня по плечу:

– А ты молодец! Разглядел супостата!

...Пленные выглядели по-европейски, а при допросе выяснилось, что они – подданные того самого венгерского короля Кальмана, опозорившего дочь Мономаха.

– Ишь, окаянные, рыщут по краям Руси, – процедил сквозь зубы князь Владимир. – Всё хотят кусок пожирнее отщипнуть.

К рассвету выяснилось, что убито полтора десятка чужаков, а один из наших дружинников серьёзно ранен. Следы, уходящие за ручей, показывали, что немало ночных разбойников скрылось. Впрочем, после такого приёма они вряд ли сунутся к нам снова.

Мономах дивился:

– Ума не приложу – зачем они полезли на нас? Мы ж не

женщины с детьми малыми, а три сотни ратников. Неужто ради грабежа на такую вылазку сподобились?

Князь едва заметно кивнул Игнату – тот выбрал из венгерских налётчиков самого юного и хлипкого на вид, с большим синяком на лбу. В это время как раз поспела вода в большом походном котле – забурлила ключом от жаркого костра. Толмач Поликарп, знавший почти все европейские языки, объяснил пареньку, что сейчас свирепые русы сварят его живьём, если он не расскажет об истинной цели нападения на наш лагерь ночью.

Дядя Дорофей нагнулся к моему уху и жарко зашептал:
– Наш князь и мухи обидеть не способен, не то что пытаться. Вот и пугаем, как дети малые.

Но пареньку такой неслабой «пугалки» вполне хватило – он тут же принялся во всём сознаваться. Что они совершали вылазку на Русь с целью разведки и тут случайно обнаружили, что в Европу едет не кто-нибудь, а сам Мономах. Их предводитель Миклош возмечтал, что привезёт королю такой знатный подарок – голову самого Владимира Всеволодовича, а то и вовсе захватит князя живьём...

Глава 11

Где Санька впервые применяет технологии 21 века

Ратник Борис был совсем плох – его знобило, лоб покрывала испарина. Рана на правом боку была не слишком глубокой, но лично я опасался заразы. Поскольку дружина и князь с надеждой смотрели на меня, я решил напрячь все свои медицинские способности. Помнится, после школы у меня были мысли поступить в мединститут, а потом я иногда жалел, что не сделал этого. У меня цепкая память на названия лекарств и симптомы болезней, есть определённая доля хладнокровия и рассудительности в тех случаях, когда остальные просто визжат и отворачиваются.

Первым делом я решил обеззаразить рану. В нашем веке это не составило бы труда – у кого-нибудь в столь большом сообществе наверняка нашлась бы бутылка крепкого спиртного. У подручных Мономаха хмельных напитков с собой не оказалось. В итоге я полез шарить по кустам в поисках подорожника или чистотела. Нашёл то и другое – в итоге мы сделали отвар для промывания раны Бориса. Княгиня Агафья повелела дать нам белой льняной ткани из своего приданного – на мой взгляд, отличный перевязочный материал.

Сперва я оттирал засохшую кровь, затем омывал рану, просто поливая её холодным отваром. Потом приложил вчетверо сложенную тряпку с целебными травами и забинтовал.

...Весь день мы ехали гораздо медленней, чем обычно. Повозку с Борисом старались не трясти, да и все мы чувствовали себя разбитыми после бессонной ночи. Это был тяжёлый переход. Лично я, ежели недосплю пару часов, буквально умираю на ходу.

К вечеру Борису стало хуже. У него начался сильный жар, он то и дело терял сознание, бредил. Случилось то, чего я больше всего опасался – инфекция, внесённая мечом чужеземца распространялась по организму. Всё-таки, колотую рану, хоть и неглубокую, трудно хорошо обработать в таких условиях...

– Даст Бог, выживет, – сказал я, поймав вопросительный взгляд князя. На душе было, если честно, тяжело. Что я могу сделать? Пусть я даже из 21 века...

– А нет ли у тебя, Александр, чего-нибудь с собой ОТТУДА? – неожиданно молвил князь, проницательно глянув на меня. – Поищи, авось в карманах что-нибудь найдёшь.

Под кольчугой на мне по-прежнему были джинсы, с которыми я не пожелал расстаться. Я похлопал себя по бедрам – тут только кошелёк и сотовый телефон. Потом вспомнил, что на мне под кольчугой одета рубашка с нагрудными карманами. Пришлось снимать доспехи. Дружина глядела на меня напряжённо. В левом кармане что-то загремело. Я полез туда

и обнаружил... коробку с лекарством. Не веря своим глазам, прочитал название: цефтриаксон. Да как же ты уцелел, милый цефтриаксончик? Это удивительно! Каким только воздействиям я не подвергался, попав в Киевскую Русь! А пять пузырьков внутри коробки уцелели! Да ещё и шприцы впридачу.

Как же я мог забыть об этом? По пути на трамвай, который, по сути, отвёз меня в это затерянное время, я купил сей весьма мощный антибиотик для тещи – она попросила перед выходом. Теперь я вряд ли принесу его домой...

Если честно, не люблю пользоваться лекарствами – в своё время съел их полтонны и пришёл к тому, что нужно вести здоровый образ жизни. То бишь, заниматься спортом, есть полезные каши, супы и овощи с фруктамм, а ещё, если есть возможность, закаляться. И будет вам здоровье – не сразу, правда, а за него придётся немного побороться. Но организм, как и бизнес, в который вкладывают много сил, рано или поздно даст свои дивиденды. Увы и ах, большинство моих современников, несмотря на эту очевидную мысль, продолжает есть таблетки, как высшее достижение цивилизации. Но тело – это совокупность органов, а не суповой набор, где всё по отдельности. Глотая «колёса», сажаем печень, в итоге опять приходим к болезни...

Единственное, в чём приуспела современная мне медицина – это купирование неотложных состояний. Здесь медики и учёные и впрямь достигли высот. А вот как быть здоровы-

ми и энергичными без лекарств – этому лучше поучиться у тех же дружинников. Вон какие хлопцы – любого из них оглоблей не перешибешь!

...Пока я набирал в шприц кипячёную воду и разводил белый порошок в пузырьке, на меня смотрели как на колдуна. Хотя по сути я был эдаким болванчиком, который делает нехитрое повседневное дело.

Борис глянул на меня с тревогой, однако подчинился моей просьбе. Уколы я делать давно умею – стаж «медбрата» уже давно перевалил за две трети моей недолгой жизни. После укола я был спокоен за судьбу воина – такой мощный антибиотик широкого спектра действия словно по волшебству оказался в моём кармане. Самое то при различных ранах. Тем более, что в их времени микробы ещё не имеют устойчивости даже к простому пенициллину.

...К середине ночи температура у Бориса спала. Он почувствовал, что смерть отступила и послал за мной.

Честно говоря, ужасно не люблю, когда меня будят посреди ночи. Но в данном случае я был очень рад.

– Сашко, – Борис глянул на меня своими ясными глазами, – я не знаю, что ты за колдовство ко мне применил, но я здоров!

– Да никакое это не колдовство, – махнул я рукой, – обычное снадобье, которым лечат больных в моё время.

– Хорошо, – заметно успокоился Борис, – я греха боюсь. Главное – это душу дьяволу не продать. Боюсь не того, кто

тело убивает... Теперь я перед тобой в долгу.

– Да какой долг! – махнул я рукой. – Можно подумать, что ты поступил бы иначе на моём месте!

Наутро мне уже была уготована особая роль. Если раньше я был немного чужаком и чудаком, который не умеет толком скакать на лошади и владеть мечом, то нынче воины демонстрировали полнейшие «респект и уважуху». Я снова объяснил им и князю, что никакого колдовства нет:

– У нас есть специальные заводы, ну, вроде как дома, где сидит много ремесленников. Они смешивают разные травы и вещества. И получается вот такое лекарство, – втолковывал я.

– Вроде знахарей наших, – отметил князь.

– Никакого колдовства тут нет, – продолжал я. – Просто люди учёные, умные. Знают, что да как подействует.

Борис резко пошёл на поправку. В обед я сделал ему ещё один укол и предупредил:

– В желудке может нехорошо стать. Но ты потерпи. Будем села презжать – купим простоквашу или сметану.

После обеда князь поехал возле меня и стал усиленно спрашивать о современной мне медицине. Перечислив позитивные моменты, я перешёл к негативу:

– Да у нас все дохлые! Целый день сидят на стульях, в компьютер смотрят. Ходят и бегают мало, мышцы не напрягают почти. Да ещё едят всякую дрянь – напитки газированные, да булки сладкие. И быстрые супчики, которые кипят-

ком заваривают. А вечером к телевизору перетекают. Ну а лет через пять бегут к доктору – спасите! Организм разваливается! А доктор и рад стараться – иди, говорит, в аптеку налево и купи лекарство такой-то фирмы не дешевле пяти-сот рублей! И будет тебе счастье!

Описывая действия нынешней фармацевтической мафии, я не на шутку разошёлся. Ведь в своё время я отдал им десятки тысяч рублей. А может и сотни. Машину-то уж точно можно на эти деньги купить.

– А всё лень-матушка! – припечатал я. – Попу боимся со стула приподнять, да в прорубь опустить!

Как ни странно, князь прекрасно понимал мой сленг. По крайней мере, не спрашивал о значении отдельных слов. Он поддержал моё возмущение:

– Да ежели кровь не разгонять, то и болезни начнутся! Надо каждый день себя утруждать, до пота. Либо на воинских учениях, либо в поле, либо потаскать тяжёлое. Да так, чтобы рубашка мокрой стала. А если уставать не будешь, быстро загниешь живьём!

Когда я обмолвился, что лекарство, введённое мною Борису, производят из обыкновенной плесени, князь оживился. Я узнал, что обычно с дружиной в походы ездит лекарь – он лечит разными травками, а раны мажет зелёной плесенью:

– Конечно, не так быстро, как после твоего лечения, – усмехнулся князь, – но заживает. Но на Запад я не стал Миколу-лекаря брать – у нас опасно считается только на Восток

ездить. Что гонять старика без толку! Кто ж знал, что всё так получится...

У лекаря всё никак не случилось хорошего ученика. Поэтому разменяв седьмой десяток лет, он всё ещё был в одиночестве:

– Были разные люди, учились. Но у Миколы такой характер чудной, что все разбежались.

Удивительное дело! Я слышал, что плесень применялась ещё в Древнем Египте, но не знал, что это искусство врачевания дошло до Руси. Впрочем, князь тут же раскрыл эту тайну:

– Он с тех пор, как с Востока вернулся, немного умом тронулся. Дело своё знает, а вот с головой в ссоре. Учился на Тибете, в Египет ходил – каких только приключений не натерпелся.

Вот тебе и на! Это ж за четыре сотни лет до Афанасия Никитина! Я давно подозревал, что далеко не все приключения людей запечатлены на бумагу. Один только Бог ведает, какие чудные странствия были во все времена и поколения.

– К причастию не ходит, не исповедается, – продолжал князь, – в церковь его на верёвке не затащишь. Всё бормочет что-то про наше тёмное невежество. Три раза его в монастырь отправляли, в смиренной рубашке, во время приступов, просветлённого нашего. Бился в путах так, что удержать не могли, да орал что-то невнятное. Убил бы себя, да вовремя каждый раз подмечаем. Видать, даже славной пе-

щерной братии отмолить его не по силам! Даже Бог против желания человека ничего не сделает!

Глава 12

Где Санька пересекает две границы

Борис уже ехал верхом, хотя прошла всего неделя после его ранения. Дисбактериоз, который бывает после курса антибиотиков, мы и в самом деле поправили с помощью простокваши, творога и сметаны, которые закупали в селениях и городах по пути. Если сказать честно, то города в то время были меньше нынешнего самого захудалого райцентра. При этом от современных сел и провинциальных городков их отличало одно существенное «но»: дома были крепкими и чистыми, а люди – опрятными и держащимися с достоинством. Валяющегося в луже или под забором персонажа было и во все не сыскать. Что и говорить про дух, который царил над этими местами – тут совершенно не было атмосферы всеобщего тления и распада, в которой я вырос. Глядя на крепких, плечистых мужчин со светлыми глазами и статных женщин, я видел, какой потенциал в них скрыт. Эти люди умели и любили работать, были скромны и полны надежд. Я впервые задумался о том, что и вовсе не знал нормальной жизни – юность пришлась на 90-е годы, когда по телеку показывали беспросветную чернуху, а на улицах были бесконечные бан-

дитские разборки. Я как-то свыкся с мыслью о том, что мы – дегенеративная нация, где большинство составляют пьющие и мусорящие граждане.

Впрочем, последнее время я начал понимать, что дегенераты всегда на виду – они бросают бутылки в парках и ломают качели. А вот у работяг, коих всё-таки большинство в России, нет времени слоняться по улицам.

Мы все устали. Устали от всех этих передраг и больших переходов. Я читал, что похожие настроения были после Смутного времени – когда люди на протяжении длительного срока не продумывали стратегию развития своей страны, города, села, а мыслили лишь о том, как бы выжить сегодня.

Ну ничего – ведь прорвались. И в 21 веке пробьёмся, хотя передраги 90-х морально опустошили россиян сильнее, чем последствия революции, гражданской войны и голода. Ведь война, которая идёт в душах сограждан и по сей день, убивает надежней установки залпового огня.

Чем дальше мы пробирались на запад, тем гуще становилась сеть людских поселений. В небольшом городке со странным названием Теребовля нам оказали весьма тёплый приём – тамошний князь Василько Ростиславич устроил в нашу честь пир. Казалось, весь город вышел навстречу нашей дружине – если честно, было очень приятно оказаться среди друзей после перехода по дикой степи.

Князь Василько был слеп, причём, как я заметил, у него вовсе не было глазных яблок. Несмотря на увечие, он двигал-

ся очень легко, нащупывая дорогу лёгкой тростью, а окружающие старались никак не подчёркивать слепоту князя.

– Ослепили брата моего во Христе, – вздохнул Мономах, предвидя мой вопрос, – да никто иной это сделал, как предшественник мой на киевском столе, Святослав Изяславич. Точнее, он одобрил, а сделал Давид Игоревич, князь Владимиро-Волынский.

– За что? – ахнул я, смутно вспоминая, что подобные зверства в то время не были редкостью в княжеских разборках.

– Интриги, друг мой, интриги, – нахмурился князь-батька, – вечно злую сеть свою сплетают. Мы и не ждали, что после любечского сбора, где все властители земли русской для мира собрались, такое злодейство последует.

А ведь в нашем, «цивилизованном» веке злодеяния в эшелонах власти стали ещё страшней – одним росчерком пера под всеобщий одобрямс «развитых» держав в утиль отправляются целые страны вслед за своими лидерами. Видимо, власть изначально притягивает зло, поскольку является пастырем, способным утянуть побольше вверенных ей овец на самое дно...

Я впервые был на подобном празднике – князь с милым для русского уха именем Василько устроил самые настоящие народные гуляния. Все жители принарядились в праздничные одежды, всюду слышались песни, молодежь то и дело пускалась в пляс, всюду проводились различные конкурсы и забавы. В общем, атмосфера праздника затягивала всех –

лично у меня через пятнадцать минут растянулась улыбка до ушей, которая не сходила весь вечер. Всё-таки я дождался долгожданного быка на вертеле – он издавал аромат покруче десятка торговых точек по торговле шашлыком и шаурмой.

Внутри освежеванной туши быка ушные повара князя Василько положили барашка, в барашка запихали изрядных размеров индейку, в индейку затолкали утку, а в утку – цыпленка. Мне, если честно, стало даже неловко, что ради нас готовят такое царское блюдо. Я же не народный артист РСФСР, а простой парень из 21 века!

В промежутки между животными набили разные пряные травы, лук-порей, чеснок, орехи. Для этого гигантского жаркого спалили невероятное количество дров – угольная куча была размером почти с быка, к тому же туда постоянно подсыпали углей. Жарилось всё это чудо часов шесть или семь – снаружи бык стал весь чёрным и изрядное количество мяса пропало. Но вот то, что было внутри – это, доложу я вам, улёт полный! Такой сочности и пропитанности мясных кусков, такого концентрированного мясного вкуса я ещё не пробовал в своей жизни!

Отмечу ещё одно приятное отличие древних торжеств от нынешних – праздник в Теребовле пробуждал лихое веселье, освобождал творческие силы, сближал всех, открывая новые грани людей. Весёлый хоровод нарядных людей поднимал настроение, отвлекая от реальности – вряд ли это можно сравнить с сегодняшними унылыми наливаниями

водкой под салат у телевизора.

...Василько не мог отпустить князя без подмоги. Прознав о нападении на дружину, он пришёл в ужас:

– Да как же так, князь батюшка! Через германские земли с тремя сотнями ратников поедешь? И не боязно тебе за дочь свою?

В итоге с нами поехали две сотни дружинников – больше князь теребовлянский дать не мог:

– Не вели казнить, батюшка – дабы не оголить свои стены от врагов.

– Да мне и того не надо, – отмахивался князь, – чай не на войну едем, к половцам в стан, а на запад!

– Бережёного Бог бережёт, – князь Василько словно всматривался в Мономаха своими пустыми глазницами, – и там у нас друзей нет и вряд ли будут.

Территория современной мне Польши не отграничивалась от Киевской Руси полосатыми столбами и перекопанной землей. У меня сложилось впечатление, что какой-либо границы вообще не существовало. В селениях, которые встречались по пути, были как православные храмы, так и костёлы. Враждебности к русским я не заметил. В городе Ряшев мы закупили хлеба, при этом я подметил, что здесь царствует вполне русский дух. Оно и немудрено – совсем скоро эта местность обособится в Галицко-Волынское княжество, которое будет соперничать с Киевом.

А вот Тарнув и Краков уже были явно западными города-

ми, здесь было много немецких и чешских купцов, а на дружину князя косились с опаской. Гортанная резкая речь чередовалась здесь с быстрым польским языком. Впрочем, долго задерживаться мы не стали, лишь купили немного свежего продовольствия.

Я отметил, что здесь уже поднимает голову дух рационализма. В то время как в Киеве и окружающих его городках и сёлах я чувствовал, что главное здесь – общение с людьми, ради которого жители готовы бросить все дела, то в Кракове я почуял, что тут на первом месте дело. А уже потом человек. Почти как в родном мне 21 веке, только, пожалуй, не в таких масштабах.

Хорошо, что нам не пришлось форсировать Вислу – возле Кракова через эту небольшую речушку был крепкий мост.

Наш маршрут через Моравию и Чехию пролегал таким интересным образом, что мы практически не въезжали в населённые пункты. Я подметил, что здесь люди выглядят напряжёнными – они словно бы ждали плохого каждую минуту.

– У них тут раздрай страшный, – пояснил князь, – каждый сам за себя, да ещё прусаки свою игру ведут.

Если честно, то мне в Чехии очень понравилось – природа здесь изумительная. В одном из селений князя слёзно просили вступить за них перед землевладельцами. Язык был вполне понятен, кроме некоторых слов. Староста села умолял:

– Русский король, защити нас! Землю нашу окрадэны, сеять негде. Если вступишься, вэлми добрже будет!

Видно было, что князю неприятно отказывать, однако он был ответственен не только за свою дружину, но и за целую страну.

– Если короля вашего встречу, то вступлюсь за вас! – пообещал князь. – А войском помочь не могу – это же война большая начнётся. А у нас воинов мало.

– Мало? – ахнул староста Гануш. – Да Вы с такой ратью Прагу возьмёте! У нас каждый сам за себя, а король с вассалами не справляется.

...В целом, поход через Чехию был довольно сложным. Приходилось обходить горы и холмы, часто по пути попадались ручьи, которые мы переходили вброд. Как сказали бы сегодня, местность была пересечённой. В итоге путешествие через эту страну растянулось на десять дней, причём проведённых почти без приключений. Если не считать небольшого инцидента, когда нас нагнали закованные в латы воины, требуя остановиться. Оказалось, что это вроде дозора, разъезжающего по стране в поисках чужаков. Впрочем, когда они выяснили кто мы и куда идём, нам дали зелёный свет. Но лично мне показалось, что рыцари и сами рады нас пропустить – наша дружина была раз в пять больше их скромного отряда.

Я уже давно чувствовал себя своим в этом времени. В седле держался как влитой, тяготы походной жизни переносил

терпеливо. Каждый вечер мы ставили шатры – я уже стал до-кой в этом деле. Это не слишком похоже на собирание палатки – всё-таки, увесистые палки нельзя соединить также просто, как алюминиевые трубки. Потом искали дрова – с таким количеством воинов это было легко. Зажигали порой, до двадцати костров сразу – дружинники варили похлёбку, затем жарили узкие полоски мяса на углях. Женщин почти не было видно – еду им относили в отдельный шатёр.

Если сказать честно, каждый день я садился в седло с помощью изрядного усилия воли. Первые дни внутренняя часть ног, натёртая в кровь, саднила нещадно. Мускулы болели, я чувствовал себя разбитым и усталым. К тому же, к моим мукам прибавлялось расстройство желудка – мой непременный спутник в путешествиях. Меняя воду, местность, я всегда болею несколько дней, а тут мы постоянно пили из нового ручья или реки.

Правда, к концу второй недели всё как-то наладилось. На ногах набилось некое подобие мозолей – кожа больше не реагировала на трение так трепетно, как в начале пути. Боль в мышцах вошла в привычку, да и болеть стало поменьше. Уверен, сейчас я был гораздо сильнее себе самого, но только что вошедшего в Киев.

Меры безопасности после случая с бандой Миклоша усилились. Теперь лагерь по ночам охраняло полтора десятка человек. Мы не болтали, но время от времени перекликались, в итоге стоять было не так страшно и не очень скучно.

Иногда ночами снилось, что я дома, что сейчас я встану с дивана, пойду на кухню жарить себе яичницу... В этот момент я, как правило, просыпался, слышал всхрапывание па-сущихся коней и чувствовал приступ сильной тоски. Знаете, так бывает посреди ночи – когда никого из близких рядом... Кто знает, увижу ли я когда-нибудь своё время? Доведётся ли мне когда-нибудь ездить на трамваях и жарить пищу на газовой плите? Что думают мои близкие сейчас? Бедные мама с женой! Они, наверное, не чают увидеть меня в живых...

Глава 13

Где Санька знакомится с правами цивилизованной Европы

Мы уже второй день едем по территории Германии. Точнее сказать – по Баварии, южным и весьма плодородным землям. Впрочем, в то время в политическом устройстве этих земель была такая неразбериха, что никакой политолог не разберётся. Вроде, номинально существовала пафосно звучащая Священная Римская империя, а на деле, железной рукой канувшего в Лету Рима здесь даже и не пахло. Как поведал мне Мономах, каждый городок или даже деревня управлялись на свой лад местными князьками или курфюрстами, а император часто даже не получал налоги в казну. В настоящий момент империя переживала особенно тяжёлый момент – светская власть боролась с церковной, в результате чего сепаратистские настроения только усиливались.

Впрочем, деревеньки, которые мы проезжали, выглядели довольно опрятно. На нас глядели со страхом – настолько непривычным для этих мест был вид нашей дружины. Когда мы въехали в крупный посёлок с затейливым названием Ингольштадт, местные жители в панике разбежались. Осталось лишь несколько наиболее смелых. Наш толмач Поли-

карп объяснил им, что мы пришли с мирными намерениями. И что неплохо было бы купить молочка и хлеба – мы третий день грызли самые настоящие сухари.

Вскоре немцы к нам привыкли и перестали бояться. Мы купили продовольствие и принялись готовить обед. Между делом я наблюдал за жизнью деревни. С Дуная, водное пространство которого нам ещё предстояло преодолеть, дул ласковый ветерок, поэтому наш «бивуак» был особенно приятным. Многие сельчане возились на огороде. Один мужчина чинил бочку, другой постригал виноградник. Покоробил один момент – когда молодой розовощекий парень стал молиться на землю прямо в присутствии женщин, которые особо не смутились при виде этого явления. Стоит отметить, что от местных жителей пахло вовсе не ландышами – от старика пахло кислятиной, а от дамы, которая продавала молоко, так дохнуло чесноком и потом, что только держись. Наше войско, не в пример этим неопрятным иностранцам, не издавало сильных ароматов. На каждой стоянке, возле каждой речки, ручья или пруда наши парни шли купаться, оттирая себя пучками травы. А женщины устраивали постирушку по крайней мере каждые три-четыре дня. Мало того – на одном весьма длительном привале князь приказал сделать полевою баню – мы натаскали гладких валунов в шатёр, нагрели, а затем лили на них воду и хлестались вениками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.